

ВСЁ
О ЖИЗНИ,
ТВОРЧЕСТВЕ
И СМЕРТИ
ВЕЛИКОГО
ПОЭТА

РАСШИФРОВАННЫЙ ЛЕРМОНТОВ

ПАВЕЛ ЩЕГОЛЕВ

Павел Елисеевич Щёголев
Расшифрованный Лермонтов.
Все о жизни, творчестве
и смерти великого поэта

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68347234

*Расшифрованный Лермонтов. Всё о жизни, творчестве и смерти
великого поэта / Павел Щеголев: Эксмо, Яуза; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-171523-6*

Аннотация

**ВСЁ О ЖИЗНИ, ТВОРЧЕСТВЕ И СМЕРТИ МИХАИЛА
ЮРЬЕВИЧА ЛЕРМОНТОВА!**

На страницах книги выдающегося литературоведа П.Е. Щеголева великий поэт, ставший одним из символов русской культуры, предстает перед читателем не только во всей полноте своего гениального творческого дарования, но и в любви, на войне, на дуэлях.

– Известно ли вам, что Лермонтов не просто воевал на Кавказе, а был, как бы сейчас сказали, офицером спецназа, командуя «отборным отрядом сорвиголов, закаленных в боях»? («Эта команда головорезов, именовавшаяся «ЛЕРМОНТОВСКИМ ОТРЯДОМ», рыская впереди главной колонны войск, открывала

присутствие неприятеля и, действуя исключительно холодным оружием, не давала никому пощады...»)»)

– Знаете ли вы, что в своих стихах Лермонтов предсказал собственную гибель, а судьбу поэта решила подброшенная монета?

– Знаете ли вы, что убийца Лермонтова был его товарищем по оружию, также отличился в боях и писал стихи, один из которых заканчивался словами: «Как безумцу любовь, / Мне нужна его кровь, / С ним на свете нам тесно вдвоем!..»?

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	7
Часть 1	12
Хронологическая канва	13
Детство, отрочество и юность	16
Конец ознакомительного фрагмента.	115

РАСШИФРОВАННАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Павел Щеголев
Расшифрованный
Лермонтов. Всё о
жизни, творчестве и
смерти великого поэта

В оформлении обложки использована репродукция картины «Портрет М.Ю. Лермонтова в сюртуке офицера Тенгинского пехотного полка» (1841 г.) художника К. А. Горбунова:

Михаил Филимонов / РИА Новости.

© Щеголев П.Е., 2022

© ООО «Издательство «Яуза», 2022

© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие

Лермонтов в жизни, Лермонтов – человек и поэт, как он рисуется в представлении современников, в официальных свидетельствах и документах, на фоне подлинных исторических материалов эпохи. Восстановить этот образ в воображении современного читателя – вот задача настоящей книги.

Книга рассчитана на широкий круг читателей и не является, конечно, ученым исследованием, но предлагает результаты научного изучения биографических материалов о Лермонтове. По принципу построения наша книга расходится с аналогичной по заданию книгой В. В. Вересаева «Пушкин в жизни». Со всей решительностью мы отвергаем принципиальную установку В. В. Вересаева, высказанную им в следующих словах: «Критическое отсеивание материала противоречило бы самой задаче этой книги. Я, напротив, старался быть возможно менее строгим и стремился дать в предлагаемой сводке возможно все дошедшее до нас о Пушкине, кроме лишь явно выдуманного». Вместе с тем Вересаев сознательно отказывается от внесения в книгу поэтических показаний Пушкина, хотя бы носящих явно автобиографический характер. Подход В. В. Вересаева представляется нам абсолютно не научным, и «беспристрастность» Вересаева сильно смахивает на выпуклую беспринципность. Нужно ли еще доказывать, что всякий исторический материал вообще, а

биографический в особенности, требует критического к себе отношения? Нужно ли доказывать необходимость чисто исследовательской работы, выражающейся в критике и сопоставлении показаний современников даже для такого рода книги, как наша, которая предназначается только для чтения и не претендует на научную значимость? Нужно ли доказывать, что всякая книга, в том числе и популярная книга для чтения, должна быть сделана из добросовестного и проверенного материала?

Материалами для настоящей книги послужили:

- 1) воспоминания, письма и дневники современников, встречавших и лично знавших Лермонтова, а также не дошедшие до нас устные рассказы современников, использованные биографами (главным образом П. А. Висковатым);
- 2) подлинные официальные дела и документы, имеющие непосредственное отношение к Лермонтову;
- 3) переписка Лермонтова (письма Лермонтова и к Лермонтову);
- 4) записи Лермонтова, носящие несомненный автобиографический характер, а также отрывки из его произведений, иллюстрирующие основной текст книги.

Этими записями и поэтическими произведениями мы считали возможным пользоваться в некоторых случаях. Действительно, почему мы должны больше доверять даже очень добросовестной записи какого-нибудь Вульфа, который видел Лермонтова всего один раз в жизни, и совершенно пре-

небрегать юношескими записями поэта, разбросанными в его ученических тетрадах, или даже отрывками из его произведений, которые, при сопоставлении с другими достоверными историческими материалами, оказываются явно автобиографическими и только ярче раскрывают (не снаружи, а изнутри) литературный и бытовой облик Лермонтова?..

В виде исключения мы цитируем изложение биографов Лермонтова (гл. обр. П. А. Висковатого), всегда выделяя такие цитаты более частым набором.

В тех случаях, когда ввиду отсутствия соответствующих доброкачественных материалов по композиции книги нам приходилось обращаться и к сомнительным источникам, мы всякий раз оговариваем их сомнительность в примечаниях.

Нам казалось уместным введение в книгу целого ряда стихотворных произведений и отрывков, которые нужны по контексту книги, в тех случаях, когда кто-либо из современников цитирует или комментирует то или иное стихотворение и когда его показания остаются непонятными или скучными без освежения в памяти читателя того стихотворного отрывка, о котором идет речь, а надеяться, что всякий раз читатель обратится непосредственно к сочинениям Лермонтова, вряд ли возможно. Так, например, даже общеизвестные стихи «На смерть поэта» (Пушкина) оказалось нужным дать в той редакции и в том виде, как они фигурировали в судебном деле, значительно повлиявшем на дальнейшую судьбу Лермонтова и его друга С. А. Раевского.

Помимо появившихся в печати, нами использованы и впервые напечатаны материалы, еще не опубликованные. Таковы:

1) «Сообщение отставного полковника Леонида Ангельевича Сидери о кончине М. Ю. Лермонтова», любезно представленное нам для воспроизведения Д. С. Усовым.

2) Письмо Е. А. Арсеньевой к преподавателю Лермонтова Петухову (из собраний Пушкинского Дома).

3) Официальные документы в подлинниках или копиях, находящиеся в рукописных собраниях Лермонтовского музея, ныне вошедшего в Пушкинский Дом. Среди них упомянем следующие: дословные выписки из приказов по Школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, дословные выписки из высочайших приказов о производстве Лермонтова, два патента: один – на чин поручика, другой – на чин корнета, приказы по отдельному гвардейскому корпусу.

4) Судебное дело 1837 г. (о стихах на смерть Пушкина), 1840 г. (дуэль с Барантом), 1841 г. (последняя дуэль); отсюда извлечен целый ряд неопубликованных документов, а остальные, опубликованные ранее, заново сверены с подлинным текстом и в некоторых случаях, где это требовалось, исправлены.

Наконец, нами пересмотрены все рукописные тетради (и копии с них), хранящиеся в собраниях Пушкинского Дома. Все, даже ранее опубликованные, заметки снова сверены и напечатаны нами по тексту этих тетрадей.

Этим не исчерпывается весь список новых материалов. Все вновь опубликованные материалы отмечены в тексте соответственными примечаниями. Датировка всюду дана по старому стилю, орфография – новая, без сохранения пунктуации. Лишь в документах, которые публикуются впервые, сохранены особенности правописания подлинников, что, впрочем, всегда оговорено в соответствующих примечаниях.

Считаю необходимым благодарить сотрудников Пушкинского Дома за предоставление рукописных материалов.

Моим помощником в работе над этой книгой был В. А. Мануйлов: он принимал участие в отборе и распределении материала.

П. Щеголев

Часть 1

Детство, отрочество и юность

1814–1832

Москва – моя родина, и такою будет для меня всегда: там я родился, там много страдал и там же был слишком счастлив.

Перевод из французского письма Лермонтова к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 г.

*Москва, Москва!.. Люблю тебя как сын,
Как русский, – сильно, пламенно и нежно!*

«Сашка»

*Он не имел ни брата, ни сестры,
И тайных мук его никто не ведал.
До времени отвыкнув от игры,
Он жадному сомнению сердце предал,
И, презрев детства милые дары,
Он начал думать, строить мир воздушный
И в нем терялся мыслию послушной.*

«Сашка»

Хронологическая канва

1814. *В ночь со 2 на 3 октября* в Москве родился М. Ю. Лермонтов.

1814–1827. Жизнь Лермонтова в селе Тарханы (Пензенской губ., Чембарского уезда) вместе с бабушкой.

1817. *24 февраля.* Скончалась Марья Михайловна Лермонтова, мать поэта.

1825. *Летом.* Поездка Лермонтова на Кавказ, в Пятигорск, с бабушкой Елизаветой Алексеевной Арсеньевой, кузинами Столыпинами, домашним учителем Иваном Капэ, гувернанткой Христиной Ремер и др. Первая любовь Лермонтова.

1827. *Летом.* 12-летний Лермонтов в Ефремовской деревне (Кропотово) гостит у отца и во второй раз влюбляется.

1827. *Осенью.* Переезд Елизаветы Алексеевны Арсеньевой с внуком в Москву и подготовка его в пансион.

1827. *27 октября* Арсеньевой выдано Московской духовной консисторией свидетельство о рождении и крещении внука Михаила, а также о том, что тот может быть принят к воспитанию в казенные заведения.

1828. Лермонтов принят в 4-й класс Благородного пансиона при Московском университете.

1828. *13–20 декабря.* Лермонтов держит переходные экзамены в Благородном пансионе.

1828. Первые дошедшие до нас стихотворения Лермонтова и три поэмы: «Черкесы», «Кавказский пленник» и «Корсар».

1829. В пансионе Лермонтовым написан первый очерк «Демона».

1829. *10–21 декабря.* Лермонтов с успехом держит испытания воспитанников Благородного пансиона.

1830. В начале года в пансионе Лермонтов пишет второй очерк «Демона».

1830. *16 апреля.* Увольнение Лермонтова из Благородного пансиона по прошению.

1830. Знакомство Лермонтова (в Москве и летом в Середникове) с Екатериной Сушковой. Цикл стихотворений, посвященных Сушковой.

1830. *1 сентября.* Поступление в Московский университет.

1830. *Осенью.* Cholera в Москве.

1831. *28 января.* Духовное завещание Юрия Петровича Лермонтова, отца поэта.

1831. *16 марта.* История с проф. Маловым в Московском университете.

1832 (?). Смерть Юрия Петровича Лермонтова.

1832. *1 июня.* Прошение в правление Московского университета от своекоштного студента Михаила Лермонтова об увольнении его «по домашним обстоятельствам» и о снабжении надлежащим свидетельством для перевода в Петер-

бургский университет.

1832. *18 июня.* Свидетельство об увольнении Михаила Лермонтова из Московского университета «по прошению».

1832. *Осенью.* Переезд Лермонтова с бабушкой в Петербург.

Детство, отрочество и юность

СВИДЕТЕЛЬСТВО ¹

из Московской Духовной Консистории вдове гвардии поручице Елизавете Алексеевой Арсеньевой в том, что вы, Арсеньева, просили дать вам свидетельство о рождении и крещении внука вашего родного, капитана Юрия Петровича Лермантова сына Михаила, прижитого им от законного брака, для отдачи его к наукам и воспитанию в казенные заведения, а потом и в службу, где принят быть может, объявля, что родился он в Москве, в приходе церкви Трех Святителей, что у Красных Ворот, 1814 года октября 2 дня. По справке в Консистории оказалось, в метрических упоминаемой Трех-Святительской, что у Красных ворот, церкви тысяча восемьсот четырнадцатого года книгах написано так: *«Октября 2-го в доме господина покойного генерал-майора и кавалера Федора Николаевича Толя у живущего капитана Юрия Петровича Лермантова родился сын Михаил. Молитвовал протоиерей Николай Петров, с дьячком Яковым Федоровым, крещен того же октября 11 дня, воспреемником был господин коллежский асессор Васильев, Хотяинищов, воспреемницею была вдовствующая госпожа гвардии поручица Елисавета Алексеевна Арсеньева. Оное крещение исправля-*

¹ Печатаем с сохранением особенностей орфографии подлинника, хранящегося в собраниях Пушкинского Дома.

ли протоиерей Николай Петров, дьякон Петр Федоров, дьячок Яков Федоров, пономарь Алексей Никифоров. Почему Московскою Духовною Консисториею определено вам, вдове гвардии поручице Арсеньевой, с прописанием явствующей справки дать (и дано) сие свидетельство для прописанной надобности: октября 25 дня 1827 года.

На подлинном подписали: Николо-Лесновский протоиерей Иоанн Иоаннов, секретарь Савва Смиренов, повытчик Александр Лисицын.

С подлинным верно: коллежский регистратор Борисов.

Подлинное свидетельство получил обратно студент Михаил Лермонтов».

У сего свидетельства

Его Императорского Величества

Московской Духовной Консистории печать.

[Висковатый. Приложения, стр. 2]

* * *

Вероятно, дом Толя впоследствии перешел во владение купца Бурова. По объяснению местного Трехсвятительской церкви, что у Красных Ворот, священника: дом Бурова перешел во владение иностранца Пенанд, который владел домом лет шесть и продал его коллежскому секретарю Григорию Филипповичу Голикову. Этот и доселе владеет домом.

Я был на месте, где дом Голикова. Если ехать от дебаркадера Николаевской железной дороги, то, приближаясь к Красным Воротам, по правой руке, против самых Красных Ворот, на углу вы бы увидели, по-нашему, огромный каменный дом, в три этажа, беловатого цвета. Это – дом Голикова; этим домом начинается Садовая улица, ведущая к Сухаревой Башне... Дом Голикова на своем углу имеет балкон. Замечателен протоиерей Николай Петрович Другов, крестивший поэта Лермонтова. Он, в свое время, пользовался особой славой в духовном мире...² Да и церковь, в которой поэт крещен, замечательна – она была патриаршая.

[Н. П. Розанов. «Русская Старина», 1873 г., VIII, стр. 113–114]

* * *

Малютка и мать его были окружены всевозможными заботами. Из Тархан³, уже вперед, до срока, прислали двух крестьянок с грудными младенцами. Врачи выбрали из них Лукерью Алексеевну в кормилицы к новорожденному. Она долго потом жила на хлебах в Тарханах, и Михаил Юрьевич, уже взрослым, не раз навещал ее там, справлялся о жи-

² Биография его помещена в московском духовном журнале «Душеполезное Чтение», 1868 г., т. VI.

³ Тарханы – имение бабушки Лермонтова Е. А. Арсеньевой в Чембарском уезде Пензенской губ.

ть-быть и привозил подарки.

Из Москвы Лермонтовы с бабушкой и грудным ребенком своим вернулись в Тарханы, и Юрий Петрович выезжал из них лишь иногда, по хозяйственным делам, то в Москву, то в Тульское имение.

Супружеская жизнь Лермонтовых не была особенно счастливою; скоро даже, кажется, произошел разрыв, или по крайней мере сильные недоразумения между супругами. Что было причиною их, при существующих данных, определить невозможно. Юрий Петрович охладел к жене. Может быть, как это случается, ревнивая любовь матери к дочке, при недоброжелательстве к мужу ее, усугубила недоразумения между ними. Может быть, распушенность помещичьих нравов того времени сделала свое, но только в доме Юрия Петровича очутилась особа, занявшая место, на которое имела право только жена. Звали ее Юлией Ивановной, и была она в доме Арсеньевых в Тульском их имении, где увлекся нежным к ней чувством один из членов семьи. Охраняя его от чар Юлии Ивановны, последнюю передали в Тарханы, в качестве якобы компаньонки Марьи Михайловны. Здесь ею увлекся Юрий Петрович, от которого ревнивая мать старалась отвлечь горячо любящую дочку. Этот эпизод дал повод Арсеньевой сожалеть бедную Машу и осыпать упреками ее мужа. Елизавета Алексеевна чернила перед дочерью зятя своего, и взаимные отношения между супругами стали невыносимы. Временная отлучка Юрия Петрови-

ча, поступившего в ополчение, не поправила их.

[П. Н. Журавлев в передаче Висковатого, стр. 13–14]

* * *

Если сопоставить немногосложные известия о Юрии Петровиче⁴, то это был человек добрый, мягкий, но вспыльчивый, самодур, и эта вспыльчивость, при легко воспламеняющейся натуре, могла доводить его до суровости и подавала повод к весьма грубым и диким проявлениям, несовместным даже с условиями порядочности. Следовавшие затем раскаяние и сожаление о случившемся не всегда были в состоянии выкупать совершившегося, но, конечно, могли возбуждать глубокое сожаление к Юрию Петровичу, а такое сожаление всегда близко к симпатии.

Немногие помнящие Юрия Петровича называют его красавцем, блондином, сильно нравившимся женщинам, привлекательным в обществе, веселым собеседником, «*bon vivant*», как называет его воспитатель Лермонтова г. Зиновьев. Крепостной люд называл его «добрым, даже очень доб-

⁴ Отец поэта Юрий Петрович Лермонтов родился в 1787 году. По окончании курса в Первом Кадетском корпусе он поступил на службу в Кексгольмский пехотный полк, а оттуда перешел в свой родной корпус; в 1811 г. в чине капитана он вышел в отставку по болезни и поселился с сестрами в своем родовом имении Кропотово, Ефремовского уезда Тульской губернии. Здесь-то и произошло знакомство с будущей женой Марьей Михайловной Арсеньевой, соседкой по имению.

рым барином». Все эти качества должны были быть весьма не по нутру Арсеньевой. Род Столыпиных отличался строгим выполнением принятых на себя обязанностей, рыцарским чувством и чрезвычайной выдержкою... В Юрии Петровиче выдержки-то именно и не было. Старожилы рассказывают, как во время одной поездки с женою всплывший Юрий Петрович поднял на нее руку.

Факт этого грубого обращения был последнею каплей пыли в супружеской жизни Лермонтовых. Она расстроилась, хотя супруги, избегая раскрытой распри, по-прежнему оставались жить с бабушкой в Тарханах.

[Висковатый, стр. 14–15]

* * *

Марья Михайловна, родившаяся ребенком слабым и болезненным, и взрослою все еще глядела хрупким, нервным созданием. Передряги с мужем, конечно, не были такого свойства, чтобы благотворно действовать на ее организм. Она стала хворать. В Тарханах долго помнили, как тихая, бледная барыня, сопровождаемая мальчиком-слугою, носившим за нею лекарственные снадобья, переходила от одного крестьянского двора к другому с утешением и помощью, — помнили, как возилась она с болезненным сыном. И любовь, и горе выплакала она над его головой. Марья Михайловна была одарена душою музыкальною.

* * *

1830. Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если бы услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать.

[*Лермонтов. Акад, изд., т. IV, стр. 350.*

Из VI тетр, автогр. Лерм, муз., л. 32 об.]

* * *

Внешность альбома М. М. Лермонтовой⁵ довольно изящна. Он переплетен в красный сафьян, по краям его золотой бордюр, застегивается он серебряною застежкой, и застежка эта не простая, а имеет форму бабочки, на головку которой падает застежка.

Все содержание альбома состоит более из нежных стихотворений, частью на французском, а большею частью на русском языке. Стихи эти писались с 1811 года подругами и знакомцами Марии Михайловны и в Москве, и на Кавказе, и

⁵ В 1881 г. Н. Рыбкин описал альбом М. М. Лермонтовой, хранившийся тогда у полковника А. П. Шан-Гирея. Ныне остатки этого альбома (из 45 листов уцелело лишь 9) хранятся в Пушкинском Доме и выставлены в одной из Лермонтовских витрин.

в Петербурге, и в деревне. Конечно, в них господствуют любовь, благожелания и т. д. Есть стихи, написанные и рукою самой Марьи Михайловны, есть и строки ее мамыши, т. е. бабушки и воспитательницы поэта, Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, урожденной Столыпинай. Но дело все в том, что этим альбомом, как оказывается, поэт забавлялся и в младенчестве и в зрелых годах. Быв десяти лет, он, например, нарисовал здесь, разумеется с дозволения бабушки, кавказские горы, и из подписи, сделанной его детскою рукою, видно, что этот альбом мальчик-поэт возил с собою в дорогу. В зрелые годы поэт отсюда брал мысли для своих поэм и сюда торопливою рукою набрасывал картины природы, его вдохновлявшие. По всему видно, что поэт любил книжку, некогда принадлежавшую его покойной матери.

[Н. Рыбкин. «Исторический Вестник», 1881 г., т. VI, стр. 374–375]

* * *

На обороте 1-й страницы рукою Марьи Михайловны Лермонтовой написано:

«Вы пишете потому, что хотите писать. Для вас это забава, развлечение. Но я, искренно любящая вас, пишу только для того, чтобы сказать вам о своей любви. Я люблю вас. Эти слова стоят поэмы, когда сердце диктует их».

На 13-й странице помещена элегия на русском языке, пи-

санная рукою М. М. Лермонтовой:

О злодей, злодей – чужая сторона,
Разлучила с другом милым ты меня,
Разлучила с сердцем радость и покой,
Помрачила ясный взор моих очей,
Как туманы в осень солнышко мрачат...
Но с любовью ты не можешь разлучить,
Она в сердце глубоко лежит моем,
С ней расстанусь разве только лишь тогда,
Как опустят в мать-сыру землю меня.
Для того ль, мой друг, свыкались мы с тобой,
Для того ль я сердцу радость дал вкусить,
Чтобы бедное изныло от тоски
Так, как былие без дождичка в степи.
Ах, я видел, как ручей катил струи
По долине меж цветущих берегов;
Вдруг повеял ветер буйный с стороны,
Отделилася потоком полоса,
Понесло ее по камням вниз горы,
Раздробилася на мелкие брызги
И иссохла, удаляясь от ручья.
Видно, участь ждет подобная меня,
Так изноет сердце в горести, в тоске,
Живучи без милой в дальней стороне.

М. Лермонтова

* * *

На стр. 15 надпись бабушки Лермонтова для Марьи Михайловны: «Милой Машеньке. Чего пожелать тебе, мой друг? Здоровья – вот единственная вещь, которой недостает для счастья друзей твоих. Прощай и уверена будь в истинной любви Елизаветы Арсеньевой».

На 17-й странице следующие стихи по-русски:

В разлуке сердце унывает,
Надежда ж бедному твердит:
На время рок нас разлучает,
Навеки дружба соединит.

М. Лермонтова

* * *

Стр. 90. Эта страница в альбоме последняя. На ней Марья Михайловна Лермонтова собственноручно написала следующее:

«Кто любит тебя более, тот пусть напишет свое имя на следующей странице».

[И. Рыбкин (описание альбома М. М. Лермонтовой). «Исторический Вестник», 1881 г., т. VI, стр. 373–377]

Наконец, злая чахотка, давно стоявшая настороже, охватила слабую грудь молодой женщины. Пока она еще держалась на ногах, люди видели ее бродящею по комнатам господского дома, с заложенными назад руками. Трудно бывало ей напевать обычную песню над колыбелью Миши. Постучалась весна в дверь природы, а смерть – к Марье Михайловне, и она слегла. Муж в это время был в Москве. Ему дали знать, и он прибыл с доктором накануне рокового дня. Спасти больную нельзя было. Она скончалась на другой день по приезде мужа. Ее схоронили возле отца, и на поставленном матерью мраморном памятнике еще и теперь читается надпись:

Под камнем сим лежит тело
Марии Михайловны ЛЕРМОНТОВОЙ,
урожденной Арсеньевой,
скончавшейся 1817 года, февраля 24 дня, в субботу.
Житие ей было 21 год, 11 месяцев и 7 дней

Что произошло между мужем и матерью покойной, неизвестно, но только Юрий Петрович по смерти жены оставался в Тарханах всего 9 дней и затем уехал к себе в Кропотовку.

Убитая горем Елизавета Николаевна приказала снести большой барский дом в Тарханах, свидетеля смерти ее мужа и любимой дочери, и воздвигнула на месте его церковь

во имя Марии Египетской. Рядом с церковью она построила небольшое деревянное здание с мезонином, где и поселилась с внуком своим.

[Висковатый, стр. 15–16]

* * *

Глубоко подавленная смертью дочери, Елизавета Алексеевна перенесла на внука всю свою любовь и приязнь. Она видела в нем средоточие всего, что было отнято судьбой в лице ее мужа и потом дочери. Этот внук носил имя своего деда; умирающая дочь поручила ей беречь его детство. Кроме Миши у ней никого не оставалось на свете. Она с ним старалась не расставаться: он спал в ее комнате, она наблюдала за каждым его шагом, страшилась малейшего нездоровья. Рожденный от слабой матери, ребенок был не из крепких. Если случилось ему занемогать, то в «деловой» дворовые девушки освобождались от работ, и им наказывали молиться Богу об исцелении молодого барина.

[Висковатый, стр. 16]

* * *

Лермонтов родился в доме у своей бабушки Е. А. Арсе-

ньевой⁶, урожденной Столыпной. Мать Лермонтова, Марья Михайловна, была единственная дочь ее от супружества с Михаилом Васильевичем Арсеньевым. Выйдя замуж за Юрия Петровича Лермонтова, она прожила недолго, и после нее будущий поэт остался лет двух от роду. Нежность Елизаветы Алексеевны, лишившейся единственной дочери, перенеслась вся на внука, и Лермонтов до самого вступления в Юнкерскую школу (1832) жил и воспитывался в ее доме. Она так любила внука, что к ней можно применить выражение: «не могла им надыхаться», и имела горесть пережить его. Она была женщина чрезвычайно замечательная по уму и любезности. Я знал ее лично и часто видал у матушки, которой она по мужу была родня. Не знаю почти никого, кто бы пользовался таким общим уважением и любовью, как Елизавета Алексеевна. Что это была за веселость, что за снисходительность! Даже молодежь с ней не скучала, несмотря на ее преклонные лета. Как теперь смотрю на ее высокую, прямую фигуру, опирающуюся слегка на трость, и слышу ее неторопливую, внятную речь, в которой заключалось всегда

⁶ Е. А. Арсеньева, урожденная Столыпина, родилась в 1760 году. Отец ее, Алексей Емельянович Столыпин, собутыльник гр. Алексея Орлова, упрочил свое состояние при Екатерине II винными откупами. Елизавета Алексеевна вышла за Арсеньева уже в преклонном возрасте, будучи на восемь лет старше своего мужа. Брак был несчастливый. Арсеньев отравился 2 января 1810 года, когда дочери его, Марии Михайловне, было уже 15 лет (она родилась в 1795 г.). Елизавета Алексеевна пережила отца, нескольких братьев, мужа, дочь и внука. По словам Висковатого, она «выплакала свои старые очи», когда Лермонтов был убит. Арсеньева умерла в 1845 году 85-летней старухой.

что-нибудь занимательное. У нас в семействе ее все называли бабушкой, и так же называли ее во всем многочисленном ее родстве.

[М. Н. Лонгинов. Сочинения, 1915 г., т. I, стр. 47–48]

* * *

Пенза, 5 июня 1817

...Елизавету Алексеевну ожидает крест нового рода: Лермонтов⁷ требует к себе сына и едва согласился оставить еще на два года. Станный и, говорят, худой человек; таков по крайней мере должен быть всяк, кто Елизавете Алексеевне, воплощенной кротости и терпению, решится делать оскорбление⁸.

[Из письма Сперанского к А. А. Столыпину. «Русский Архив», 1870 г., т. VII, стр. 1136]

* * *

Приставленная со дня рождения к Мише бонна немка, Христина Осиповна Ремер, и теперь оставалась при нем неотлучно. Это была женщина строгих правил, религиозная.

⁷ Юрий Петрович.

⁸ Сперанский был в давней дружбе со Столыпиным, и отзыв его, несомненно, несколько пристрастен. Об отношениях Сперанского к Столыпиным см. *Висковатый*, стр. 6–7.

Она внушала своему питомцу чувство любви к ближним... Для мальчика же ее влияние было благотельно. Всеобщее баловство и любовь делали из него баловня, в котором, несмотря на прирожденную доброту, развивался дух своеволия и упрямства, легко, при недосмотре, переходящий в детях в жестокость.

[Висковатый, стр. 17–18]

* * *

В числе лиц, посещавших изредка наш дом, была Арсеньева, бабушка поэта Лермонтова (приходившаяся нам сродни), которая всегда привозила к нам своего внука, когда приезжала из деревни на несколько дней в Москву. Приезды эти были весьма редки, но я все-таки помню, как старушка Арсеньева, обожавшая своего внука, жаловалась постоянно на него моей матери. Действительно, судя по рассказам, этот внучек-баловень, пользуясь безграничною любовью своей бабушки, с малых лет уже превращался в домашнего тирана, не хотел никого слушаться, трунил над всеми, даже над своей бабушкой, и пренебрегал наставлениями и советами лиц, заботившихся о его воспитании.

[И. А. Арсеньев. «Исторический Вестник», 1887 г., п. 11, стр. 353]

Елизавета Алексеевна так любила своего внука, что для него не жалела ничего, ни в чем ему не отказывала. Всё ходило кругом да около Миши. Все должны были угождать ему, забавлять его. Зимой устраивалась гора, на ней катали Михаила Юрьевича, и вся дворня, собравшись, потешала его. Святками каждый вечер приходили в барские покои ряженные из дворовых, плясали, пели, играли, кто во что горазд. При каждом появлении нового лица Михаил Юрьевич бежал к Елизавете Алексеевне в смежную комнату и говорил: «Бабушка, вот еще один такой пришел», – и ребенок делал ему посильное описание. Все, которые рядились и потешали Михаила Юрьевича, на время святок освобождались от урочной работы. Праздники встречались с большими приготовлениями, по старинному обычаю. К Пасхе заготавливались крашенные яйца в громадном количестве. Начиная с Светлого Воскресенья зал наполнялся девушками, приходившими катать яйца. Михаил Юрьевич все проигрывал, но лишь только удавалось выиграть яйцо, то с большой радостью бежал к Елизавете Алексеевне и кричал:

– Бабушка, я выиграл!

– Ну, слава Богу, – отвечала Елизавета Алексеевна. – Бери корзинку яиц и играй еще.

«Уж так веселились, – рассказывают тархановские ста-

рушки, – так играли, что и передать нельзя. Как только она, царство ей небесное, Елизавета Алексеевна-то, шум такой выносила!

А летом опять свои удовольствия. На Троицу и Семик ходили в лес со всей дворней, и Михаил Юрьевич впереди всех. Поварам работы было страсть, – на всех закуску готовили, всем угощение было».

Бабушка в это время сидела у окна гостиной комнаты и глядела на дорогу в лес и длинную просеку, по которой шел ее баловень, окруженный девушками. Уста ее шептали молитву. С нежнейшего возраста бабушка следила за играми внука. Ее поражала ранняя любовь его к созвучиям речи. Едва лепетавший ребенок с удовольствием повторял слова в рифму: «пол – стол» или «кошка – окошко», они ему ужасно нравились, и, улыбаясь, он приходил к бабушке поделиться своей радостью.

Пол в комнате маленького Лермонтова был покрыт сукном. Величайшим удовольствием мальчика было ползать по нем и чертить мелом.

*[Из рассказов С. А. Раевского. Материалы Хохрякова.
П. А. Висковатый, стр. 18–19]*

* * *

Зимой горничные девушки приходили шить и вязать в

детскую, во-первых, потому, что няне Саше⁹ было поручено женское хозяйство, а во-вторых, чтоб потешать маленького барчонка. Саше было с ними очень весело. Они его ласкали и целовали наперерыв, рассказывали ему сказки про волжских разбойников, и его воображение наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понятиями противообщественными. Он разлюбил игрушки и начал мечтать. Шести лет уже он заглядывался на закат, усеянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный месяц светил в окно на его детскую кроватку. Ему хотелось, чтоб кто-нибудь его приласкал, поцеловал, приголубил, но у старой няньки руки были такие жесткие!.. Саша был преизбалованный, пресвоевольный ребенок. Он семи лет умел уже прикрикнуть на непослушного лакея. Приняв гордый вид, он умел с презрением улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тем, природная всем склонность к разрушению развивалась в нем необыкновенно. В саду он то и дело ломал кусты и срывал лучшие цветы, усыпая ими дорожки. Он с истинным удовольствием давил несчастную муху и радовался, когда брошенный им камень сбивал с ног бедную курицу. Бог знает, какое направление принял бы его характер, если б не пришла на помощь корь – болезнь опасная в его возрасте. Его спас-

⁹ Саша Арбенин – одно из излюбленных имен типично лермонтовского героя повестей и пьес, носящих, в большей или меньшей степени, автобиографический характер.

ли от смерти, но тяжелый недуг оставил его в совершенном расслаблении: он не мог ходить, не мог приподнять ложки. Е(с)лые три года оставался он в самом жалком положении; и если б он не получил от природы железного телосложения, то верно бы отправился на тот свет. Болезнь эта имела важные следствия и странное влияние на ум и характер Саши: он выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, он начал искать их в самом себе. Воображение стало для него новой игрушкой. Недаром учат детей, что с огнем играть не должно. Но увы! никто и не подозревал в Саше этого скрытого огня, а между тем он обхватил все существо бедного ребенка. В продолжение мучительных бессонниц, задыхаясь между горячих подушек, он уже привыкал побеждать страдания тела, увлекаясь грезами души. Он воображал себя волжским разбойником, среди синих и студеных волн, в тени дремучих лесов, в шуме битв, в ночных наездах при звуке песен, под свистом волжской бури. Вероятно, что раннее развитие умственных способностей немало помешало его выздоровлению...¹⁰

¹⁰ Этот отрывок представляет некоторый автобиографический интерес. В раннем детстве, подобно Саше Арбенину, Лермонтов перенес какую-то тяжелую болезнь, которая надолго приковала его к постели и оставила следы на всю жизнь; этой болезни Лермонтов был обязан некоторой кривизной ног; кроме того, он всегда был предрасположен к различным заболеваниям на золотушной почве. Время написания этого отрывка определить невозможно. Висковатый думает, что здесь мы имеем дело с обработкою сюжета драмы «Два брата» или романа «Княгиня Лиговская», – в таком случае повесть могла быть начата в 1837 или 1838 году.

[Лермонтов. Отрывок из начатой повести. Акад, изд., т. IV, стр. 299–300]

* * *

1830. Я помню один сон; когда я был еще 8 лет, он сильно подействовал на мою душу. В те же лета я один ехал в грозу куда-то; и помню облако, которое, небольшое, как бы оторванный клочок черного плаща, быстро несло по небу: это так живо предо мною, как будто вижу.

[Лермонтов. Акад, изд., т. IV, стр. 350. Из VI тетр, авторгр. Лерм.

муз., лл. 32 об. – 33]

* * *

Когда я еще мал был, я любил смотреть на луну, на разнообразные облака, которые, в виде рыцарей со шлемами, теснились будто вокруг нее; будто рыцари, сопровождающие Армиду в ее замок, полные ревности и беспокойства.

В первом действии моей трагедии¹ Фернандо, говоря с любезной под балконом, говорит про луну и употребляет предыдущее про рыцарей сравнение.

[Лермонтов. Акад, изд., т. IV, стр. 350. Из VI тетр, авторгр. Лерм.

* * *

Старуха Арсеньева была хлебосольная, добрая. Помню и как учить его [Лермонтова] начинали. От азбуки отбивался. Вообще был баловень; здоровьем золотушный, жидкий мальчик; нянькам много от капризов его доставалось... Неженка, известно-с.

[Рассказ неизвестного в передаче И. Рыбкина. «Исторический Вестник», 1881 г., т. VI, стр. 372]

* * *

Отец его, Юрий Петрович, жил в своей деревне Ефремовского уезда^{11 12} и приезжал нечасто навещать сына, которого бабушка любила без памяти и взяла на свое попечение, назначая ему принадлежащее ей имение (довольно порядочное, по тогдашнему счету шестьсот душ), так как у ней других детей не было. Слышал также, что он был с детства очень слаб здоровьем, почему бабушка возила его раза три на Кав-

¹¹ Эта запись сделана Лермонтовым уже в пансионе, в то время, когда он работал над трагедией «Испанцы». Ср. Акад, изд., т. III, стр. 18–19.

¹² Сельцо Кропотово.

каз к минеральным водам¹³.

[А. П. Шан-Гирей, стр. 725]

* * *

В детстве на нем постоянно показывалась сыпь, мокрые струпья, так что сорочка прилипала к телу, и мальчика много кормили серным цветом.

[Висковатый, стр. 22]

* * *

Е. А. Арсеньева, в разговорах с госпожою Гельмерсен... говорила о болезненности Лермонтова в детстве и указала на некоторую кривизну ног как на следствие ее. Эта болезненность побудила бабушку везти внука на серные Кавказские воды.

[Висковатый, стр. 22]

* * *

У Столыпиных было имение «Столыпиновка», недалеко от Пятигорска, а ближе <?> жила сестра Арсеньевой Хастатова. В 1825 г. поехали туда многочисленным обществом:

¹³ По одним сведениям три, по другим два года подряд.

бабушка, кухни Столыпины, доктор Анзельм Левис, Михаил Пожогин, учитель Иван Капэ и гувернантка Христина Ремер – все это сопровождало Мишу... Приехали в Пятигорск в начале лета и здесь съехались с Екатериной Александровною Хастатовой, прибывшей из своего имения.

[Висковатый, стр. 24–25]

* * *

Синие горы Кавказа, приветствую вас! Вы взлелеяли детство мое, вы носили меня на своих одичалых хребтах: облаками меня одевали; вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю о вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи! Кто раз лишь на ваших вершинах Творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновение гордился он ею!

Часто во время зари я глядел на снега и далекие льдины утесов: они так сияли в лучах восходящего солнца, в розовый блеск одеваясь; они, между тем как внизу все темно, возвещали прохожему утро, и розовый цвет их подошел к цвету стыда: как будто девицы, когда вдруг увидят мужчину купающуюся, – в таком уж смущенье, что белой одежды накинуть на грудь не успеют.

Как я любил твои бури, Кавказ! те пустынные, громкие бури, которым пещеры, как стражи ночей, отвечают. На гладком холме одинокое дерево, ветром, дождями нагнутое; или

виноградник, шумящий в ущельи; и путь неизвестный над пропастью, где, покрывался пеной, бежит безымянная речка; выстрел нежданный, и страх после выстрела: враг ли коварный иль просто охотник... Все, все в этом крае прекрасно...

Воздух там чист, как молитва ребенка,

И люди, как вольные птицы, живут
беззаботно;

Война их стихия, и в смуглых чертах их
душа говорит.

В дымной сакле, землей иль сухим
тростником

Покровленной, таятся их жены и девы,
и чистят оружие,

И шьют серебром, в тишине увядая
Душою, желающей, южной, с цепями
судьбы незнакомой...

[Лермонтов. Акад, изд., т. I, стр. 104–105]

* * *

Записка 1830 г., 8 июля, ночь. Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду? – Мы были большим семейством на водах Кавказских: бабушка, тетушки, кузины. К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет девяти. Я ее видел там. Я не помню, хороша собою она была

или нет, но ее образ и теперь еще хранится в голове моей. Он мне любезен, сам не знаю почему. Один раз, я помню, я вбежал в комнату. Она была тут и играла с кузиною в куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни об чем еще не имел понятия, тем не менее это была страсть сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь; с тех пор я еще не любил так. О, сия минута первую беспокойства страстей до могилы будет терзать мой ум! И так рано!.. Надо мной смеялись и дразнили, ибо примечали волнение в лице. Я плакал потихоньку, без причины; желал ее видеть; а когда она приходила, я не хотел или стыдился войти в комнату; я не хотел (боялся) говорить об ней и убегал, слыша ее названье (теперь я забыл его), как бы страшась, чтоб биение сердца и дрожащий голос не объяснили другим тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда, и поныне мне неловко как-то спросить об этом: может быть, спросят и меня, как я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая мой рассказ, подумают, что я брежу, не поверят ее существованию, – это было бы мне больно!.. Белокурые волосы, голубые глаза быстрые, непринужденность... нет, с тех пор я ничего подобного не видал, или это мне кажется, потому что я никогда так не любил, как в тот раз. – Горы Кавказские для меня священны... И так рано! в 10 лет! О, эта загадка, этот потерянный рай до могилы будут терзать мой ум! Иногда мне странно, и я готов смеяться над этой страстию, но чаще – плакать. Говорят (Байрон), что ранняя

страсть означает душу, которая будет любить изящные искусства. Я думаю, что в такой душе много музыки.

[Лермонтов. Акад, изд., т. IV, стр. 349–350. Из VI тетр, автогр.]

Лерм, муз., лл. 30 об. – 31]

* * *

КАВКАЗ ¹⁴

Хотя я судьбой, на заре моих дней,
О, южные горы, отторгнут от вас, —
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.
В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.
Я счастлив был с вами, ущелия гор.
Пять лет пронеслось: все тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз, —
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..

¹⁴ Это стихотворение написано Лермонтовым в 1830 году, в последние месяцы пребывания в Пансионе.

[Лермонтов. Акад, изд., т. 1, стр. 166]

* * *

По возвращении с Кавказа бабушка с внуком вновь поселились в Тарханах. Это село в расстоянии 120 верст от Пензы, верстах в 12-ти от Чембар, уездного города в 3000 жителей, в близком расстоянии от большого села Крюковки. Едва выедешь из села этого, как в стороне покажется несколько изб среди густой зелени окружающих деревьев. Над ними высится скромный шпиц сельской колокольни. Это – Тарханы. Барский дом, одноэтажный, с мезонином, окружен был службами и строениями. По другую сторону господского дома раскинулся роскошный сад, расположенный на полугоре. Кусты сирени, жасмина и розанов клумбами окаймляли цветник, от которого в глубь сада шли тенистые аллеи. Одна из них, обсаженная акациями, сросшимися наверху настоящим сводом, вела под гору к пруду. С полугорья открывался вид в село с церковью, а дальше тянулись поля, уходя в синюю глубь тумана.

[Висковатый, стр. 27]

* * *

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В ребячестве моем тоску любви знойной
Уж стал я понимать душою беспокойной;
На мягком ложе сна не раз во тьме ночной,
При свете трепетном лампы образной,
Воображением, предчувствием томимой,
Я предавал свой ум мечте непобедимой:
Я видел женский лик – он хладен был как лед —
И очи... этот взор в груди моей живет;
Как совесть, душу он хранит от преступлений;
Он след единственный младенческих видений...
И деву чудную любил я, как любить
Не мог еще с тех пор, не стану, может быть!
Когда же улетал мой призрак драгоценный,
Я в одиночестве кидал свой взгляд смущенный
На стены желтые, и, мнилось, тени с них
Сходили медленно до самых ног моих...
И мрачно, как они, воспоминанье было
О том, что лишь мечта, и между тем так мило.

1830 г.

[Лермонтов. Акад, изд., т. I, стр. 177–178]

* * *

Я был в с. Тарханах¹⁵. Это было большое здание с антре-

¹⁵ Н. Рыбкин был в Тарханах в конце 70-х годов, тем не менее он предполагает, что со времени детства поэта в доме не было коренных переделок.

солями; кругом его сад, спускавшийся к оврагу и пруду. По оврагу бежал ключ, в некоторых местах не замерзавший и зимою. За оврагом виднелась огромная гора, и по ней тянулся лес, и лес этот казался без конца, утопая где-то вдали...

В детской спальне поэта красовалась изразцовая лежанка, близ нее стояли кроватка, детский стулик на высоких ножках, образок в углу, диванчик и кресла. Мебель обита шелковой желтой материей с узорами¹⁶.

[И. Рыбкин. «Исторический Вестник», 1881 г., т. VI, стр. 372–373]

* * *

[Лермонтова] начинаю... хорошо помнить с осени 1825 года.

Покойная мать моя была родная и любимая племянница Елизаветы Алексеевны, которая и уговаривала ее переехать с Кавказа, где мы жили, в Пензенскую губернию, и помогла купить имение в трех верстах от своего, а меня, из дружбы к ней, взяла к себе на воспитание вместе с Мишелем, как мы все звали Михаила Юрьевича.

Таким образом, все мы вместе приехали осенью 1825 го-

¹⁶ По свидетельству Рыбкина, детская Лермонтова находилась на антресолях. Интересно, что в предыдущем стихотворении «Первая любовь» Лермонтов упоминает «стены желтые», тогда как Рыбкин застал еще желтую мебель, которая могла быть обита под тон всей комнаты.

да из Пятигорска в Тарханы, и с этого времени мне живо помнится смуглый, с черными блестящими глазками, Мишель, в зеленой курточке и с клоком белокурых волос, резко отличавшихся от прочих, черных как смоль. Учителями были Мг. Сапет¹⁷, высокий и худощавый француз, с горбатым носом, всегдашний наш спутник, и бежавший из Турции в Россию грек; но греческий язык оказался Мишелю не по вкусу, уроки его были отложены на неопределенное время, а Кефалонец занялся выделкой шкур палых собак и принялся учить этому искусству крестьян; он, бедный, давно уже умер, но промышленность, созданная им, развивалась и принесла плоды великолепные: много тарханцев от нее разбогатело, и поныне чуть ли не половина села продолжает скорняжничать.

Помнится мне еще, как бы сквозь сон, лицо доброй старушки немки, Кристины Осиповны, няни Мишеля, и домашний доктор Левис, по приказанию которого нас кормили весной по утрам черным хлебом с маслом, посыпанным крессом, и не давали мяса, хотя Мишель, как мне всегда казалось, был совсем здоров, и в пятнадцать лет, которые мы провели вместе, я не помню его серьезно больным ни разу.

[А. П. Шан-Гирей, стр. 725–726]

¹⁷ По словам Висковатого, Капэ, бывший офицер наполеоновской гвардии, немало способствовал своими рассказами «развитию в мальчишке любви к боевой жизни и военным подвигам» (Висковатый, стр. 29).

* * *

Когда Михаил Юрьевич подрос и вступил в отроческий возраст, – рассказывают старожилы села Тарханы, – были ему набраны одноклассники из дворовых мальчишек, обмундированы в военное платье, и делал им Михаил Юрьевич учение, играл в воинские игры, в войну, в разбойников. Товарищами были ему также родственники, жившие по соседству с Тарханами в имении Апалихе, принадлежавшем племяннице Арсеньевой, Марье Акимовне Шан-Гирей. У нее были дети: дочь Екатерина и три сына, старший из коих, Аким Павлович, воспитывался с Мишей и всю жизнь оставался с ним в дружеских отношениях. Близость места жительства ежедневно сводила детей, учившихся у одних и тех же наставников.

[Висковатый, стр. 22–23]

* * *

Старожилы в Тарханах помнили, что Миша, побывав на Кавказе, все им был занят: из воску лепил горы и черкесов и «играл в Кавказ».

[Висковатый, стр. 24]

* * *

Желая создать для Миши вполне подходящую обстановку, было решено обучать его вместе с сверстниками, с коими он делил бы тоже и часы досуга. Кроме Акима Шан-Гирея в Тарханах года два воспитывались и двоюродные его братья со стороны отца: Николай и Михаил Пожогоины-Отрашкевичи, два брата Юрьевых, временно князя Николай и Петр Максютовы и другие. Одно время в Тарханах жили десять мальчиков. Елизавета Алексеевна не щадила средств для воспитания внука. Оно обходилось ей до десяти тысяч рублей ассигнациями. На это-то она и указывала отцу, когда тот заводил речь относительно желания своего воспитывать сына при себе. Бедный человек, конечно, не был в состоянии сделать для Мишеля даже и части того, что делала бабушка.

[Висковатый, стр. 23]

* * *

Жил с нами сосед из Пачелмы (соседняя деревня) Николай Гаврилович Давыдов, гостили довольно долго дальние родственники бабушки, два брата Юрьевы, двое князей Максютовых, часто наезжали и близкие родные с детьми и внучатами, кроме того, большое соседство – словом, дом

был всегда битком набит. У бабушки было три сада, большой пруд перед домом, а за прудом роща; летом простору вдоволь. Зимой немного теснее, зато на пруду мы разбивались на два стана и перекидывались снежными комьями; на плотине с сердечным замиранием смотрели, как православный люд, стена на стену (тогда еще не было запрету) сходилась на кулачки, и я помню, как раз расплакался Мишель, когда Василий, садовник, выбрался из свалки с губой, рассеченною до крови. Великим постом Мишель был мастер делать из талого снегу человеческие фигуры в колоссальном виде; вообще он был счастливо одарен способностями к искусствам: уже тогда рисовал акварелью довольно порядочно и лепил из крашеного воску целые картины; охоту за зайцем с борзыми, которую раз всего нам пришлось видеть, вылепил очень удачно, также переход через Ураник и сражение при Арбеллах, со слонами, колесницами, украшенными стекларусом, и косами из фольги. Проявления же поэтического таланта вовсе не было заметно в то время: все сочинения по заказу Сапет он писал прозой и нисколько не лучше своих товарищей.

Когда собирались соседки, устраивались танцы, и раза два был домашний спектакль; бабушка сама была очень печальна, ходила всегда в черном платье и белом старинном чепчике без лент, но была ласкова и добра, и любила, чтобы дети играли и веселились, и нам было у нее очень весело.

Так прожили мы два года.

[А. П. Шан-Гирей, стр. 726–727]

* * *

Лермонтов ребенком бывал в именье отца.

[Висковатый, стр. 22]

* * *

Напоминание о том, что было в Ефремовской деревне в 1827 году, где я во второй раз любил двенадцати лет – и поныне люблю:

Когда во тьме ночей мой, не смыкаясь, взор
Без цели бродит вокруг; прошедших дней укор
Когда зовет меня невольно к вспоминая, —
Какому тяжкому я предаюсь мечтанию!..
О, сколько вдруг толпой теснится в грудь мою
И теней и любви свидетелей!.. «Люблю!»
Твержу, забывшись, им. Но, полный весь тоскою,
Неверной девы лик мелькает предо мною...

.....

Но ты забыла, друг! когда порой ночной
Мы на балконе там сидели. Как немой,
Смотрел я на тебя с обычною печалью.
Не помнишь ты тот миг, как я, под длинной шалью
Сокрывши, голову на грудь твою склонял —

И был ответом вздох, твою я руку жал —
И был ответом взгляд и страстный и стыдливый!
И месяц был один свидетель молчаливый
Последних и невинных радостей моих!
Их пламень на груди моей давно затих!..
Но, милая, зачем, как год прошел разлуки,
Как я почти забыл и радости и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня к себе?..
Забудь любовь мою! Покорна будь судьбе.
Кляни мой взор, кляни моих восторгов сладость!..
Забудь!.. Пускай другой твою украсит младость!..

[Лермонтов. Из стих. «К Гению», 1829 г. Акад, изд., т. I, стр. 53]

* * *

[В сельце Кропотове, бывшем постоянным местом жительства отца и родных теток поэта, еще в конце прошлого века были живы дворовые люди Лермонтовых]. По их рассказам, поэт был резвый, шаловливый мальчик, крепко любивший отца и всегда горько плакавший при отъезде обратно к бабушке.

[В. М. Цехановский. «Из прошлого». «Исторический Вестник», 1898 г., № 10, стр. 394]

Не ручаюсь за достоверность рассказанного, но Пожогин-Отрашкевич уверял меня, что он передает только то, что резко запечатлелось у него в памяти.

По словам его, когда Миша Лермонтов стал подрастать, то Е. А. Арсеньева взяла к себе в дом для совместного с ним воспитания маленького сына одного из своих соседей [Давыдова], а скоро после того и его, Пожогина. Все три мальчика были одних лет: им было по шестому году. Они вместе росли и вместе начали учиться азбуке. Первым учителем их, а вместе с тем и дядькою, был старик француз Жако¹⁸. После он был заменен другим учителем, также французом, вызванным из Петербурга, Капэ. Лермонтов в эту пору был ребенком слабого здоровья, что, впрочем, не мешало ему быть бойким, резвым и шаловливым. Учился он прилежно, имел особенную способность и охоту к рисованию, но не любил сидеть за уроками музыки. В нем обнаруживался нрав добрый, чувствительный, с товарищами детства был обязателен и услужлив, но вместе с этими качествами в нем особенно выказывалась настойчивость. Капэ имел странность: он любил жаркое из молодых галчат и старался приучить к этому

¹⁸ Очевидно, Пожогин-Отрашкевич запомнил: кроме него, никто о французе Жако не упоминает. Был француз Жандро, взятый Арсеньевой уже в Москве, после смерти Капэ.

лакомству своих воспитанников. Несмотря на уверения Капэ, что галчата вещь превкусная, Лермонтов, назвав этот новый род дичи падалью, остался непоколебим в своем отказе попробовать жаркое, и никакие силы не могли победить его решения. Другой пример его настойчивости обнаружился в словах, сказанных им товарищу своему Д[авыдову]. Поссорившись с ним как-то в играх, Лермонтов принуждал Давыдова] что-то сделать. Д[авыдов] отказывался исполнить его требование и услышал от Лермонтова слова: «Хоть умри, но ты должен это сделать...»

В свободные от уроков часы дети проводили время в играх, между которыми Лермонтову особенно нравились будто бы те, которые имели военный характер. Так, в саду у них было устроено что-то вроде батареи, на которую они бросались с жаром, воображая, что нападают на неприятеля. Охота с ружьем, верховая езда на маленькой лошадке с черкесским седлом, сделанным вроде кресла, и гимнастика были также любимыми упражнениями Лермонтова. Так проводили они время в Тарханах. В 1824 году Е. А. Арсеньева отправилась лечиться на Кавказ и взяла с собою внука и его двоюродного брата. Лермонтову было десять лет, когда он увидел Кавказ. Проведя лето в Пятигорске, Железноводске и Кисловодске, Арсеньева в октябре возвратилась в Тарханы.

В это время Пожогин-Отрашкевич должен был оставить дом Арсеньевой. В Тарханах ожидал его дядя, который и увез его в Москву для определения в тамошний кадетский

корпус.

Лермонтов два года еще после того жил в Тарханах, но потом Арсеньева увезла его в Москву. Место Капэ заступил Винсон. Через несколько времени Лермонтов поступил в Университетский пансион.

[А. Корсаков. «Русский Архив», 1881 г., кн. 3, стр. 457–458]

* * *

[Осенью 1827 г.] Е. А. Арсеньева переселилась в Москву с целью дать воспитание знаменитому своему внуку. Мещериновы и Арсеньевы жили почти одним домом...

Елизавета Петровна Мещеринова, образованнейшая женщина того времени, имея детей в соответственном возрасте с Мишей Лермонтовым – Володю, Афанасия и Петра, с горячностью приняла участие в столь важном деле, как их воспитание, и по взаимному согласию с Е. А. Арсеньевой решили отдать их в Московский университетский пансион. Мне хорошо известно, что Володя (старший) Мещеринов и Миша Лермонтов вместе поступили в 4-й класс пансиона.

Невольно приходит мне на ум параллель между вышеупомянутыми замечательными женщинами, которых я близко знал и в обществе которых, под их влиянием, вырос поэт Лермонтов. Е. А. Арсеньева была женщина деспотического, непреклонного характера, привыкшая повелевать; она отли-

чалась замечательной красотой, происходила из старинного дворянского рода и представляла из себя типичную личность помещицы старого закала, любившей притом высказывать всякому в лицо правду, хотя бы самую горькую. Е.П. Мещерина, будучи столь же типичной личностью, в противоположность Арсеньевой, выделялась своей доступностью, снисходительностью и деликатностью души.

[Меликов. «Заметки и воспоминания художника-живописца». «Русская Старина», 1896 г., т. LXXXVI, кн. 6, стр. 647–648]

* * *

[1827 г.]

Милая тетенька! Наконец настало то время, которое вы столь ожидаете, но ежели я к вам мало напишу, то это будет не от моей лени, но от того, что у меня не будет время. Я думаю, что вам приятно будет узнать, что я в русской грамматике учу синтаксис и что мне дают сочинять; я к вам это пишу не для похвальбы¹⁹, но собственно оттого, что вам это будет приятно. В географии я учу математическую по небесному глобусу, градусы, планеты, ход их и пр. Прежнее учение истории мне очень помогло. Заставьте, пожалуйста, Екима рисовать контуры; мой учитель говорит, что я еще буду

¹⁹ Письмо писано вскоре по переезде в Москву, когда Лермонтов готовился в Благородный пансион.

их рисовать с полгода; но я лучше стал рисовать; однако ж мне запрещено рисовать свое. Катюше²⁰, в знак благодарности за подвязку, посылаю ей бисерный ящик моей работы. Я еще ни в каких садах не бывал, но я был в театре, где я видел оперу «Невидимку»²¹, ту самую, что я видел в Москве 8 лет назад; мы сами делаем театр, который довольно хорошо выходит, и будут восковые фигуры играть (сделайте милость, пришлите мои воски); я нарочно замечаю, чтобы вы в хлопотах не забыли, я думаю, что эта пунктуальность не мешает; я бы приписал к братцам²² здесь, но я им напишу особливо; Катюшу же целую и благодарю за подвязку.

Прощайте, милая тетенька, целую ваши ручки и остаюсь ваш покорный племянник.

М. Лермонтов

[Письмо Лермонтова к М. А. Шан-Гирей. Акад, изд., т. IV, стр. 303]

* * *

Помню, что, когда впервые встретился я с Мишей Лер-

²⁰ Еким (Аким) и Катюша – дети Марии Акимовны Шан-Гирей. Через год Аким был взят Арсеньевой в Москву.

²¹ «Невидимка» – опера «Князь Невидимка» (в шести действиях, слова Лофанова, музыка Кавоса, на петербургской сцене впервые поставлена 5 мая 1805 года) или «Мнимая Невидимка» (слова А. Шеллера, впервые поставлена в 1813 году).

²² Братцы – Аким, Алексей и Николай Шан-Гирей, сверстники поэта.

монтовым, его занимала лепка из красного воска: он вылепил, например, охотника с собакой и сцены сражений. Кроме того, маленький Лермонтов составил театр из марионеток, в котором принимал участие и я с Мещериновыми; пьесы для этих представлений сочинял сам Лермонтов. В детстве наружность его невольно обращала на себя внимание: приземистый, маленький ростом, с большой головой и бледным лицом, он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остается для меня загадкой. Глаза эти с умными, черными ресницами, делавшими их еще глубже, производили чарующее впечатление на того, кто бывал симпатичен Лермонтову. Во время вспышек гнева они бывали ужасны. Я никогда не в состоянии был бы написать портрета Лермонтова при виде неправильностей в очертании его лица, и, по моему мнению, один только К. П. Брюллов совладал бы с такой задачей, так как он писал не портреты, а взгляды (по его выражению, вставить огонь глаз).

В личных воспоминаниях моих маленький Миша Лермонтов рисуется не иначе, как с нагайкой в руке, властным руководителем наших забав, болезненно-самолюбивым, экзальтированным ребенком.

[М. Е. Меликов. «Заметки и воспоминания художника-живописца». «Русская Старина», 1896 г., т. XXXVI, кн. 6, стр. 648]

* * *

Капэ... не долго после переселения в Москву оставался руководителем Мишеля, — он простудился и умер от чахотки. Мальчик не скоро утешился. Теперь был взят в дом весьма рекомендованный, давно проживавший в России, еще со времени Великой французской революции, эмигрант Жандро, сменивший недолго пробывшего при Лермонтове учебного еврея Леви. Жандро сумел понравиться избалованному своему питомцу, а особенно бабушке и московским родственницам, каких он пленял безукоризненностью манер и любезностью обращения, отзывавшихся старой школой галантного французского двора. Этот изящный, в свое время избалованный русскими дамами, француз пробыл, кажется, около двух лет и, желая овладеть Мишей, стал мало-помалу открывать ему «науку жизни».

[Висковатый, стр. 36]

* * *

В 1827 году она [бабушка] поехала с Мишелем в Москву для его воспитания, а через год и меня привезли к ним. В Мишеле нашел я большую перемену, он был уже не дитя, ему минуло 14 лет; он учился прилежно. Mr. Gindrot, гувернер,

почтенный и добрый старик, был однако строг и взыскателен и держал нас в руках; к нам ходили разные другие учителя, как водится. Тут я в первый раз увидел русские стихи у Мишеля, Ломоносова, Державина, Дмитриева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковского, Козлова и Пушкина; тогда же Мишель прочел мне своего сочинения стансы К***, меня ужасно интриговало, что значит слово стансы и зачем три звездочки? Однако ж промолчал, как будто понимаю. Вскоре была написана первая поэма «Индианка»²³ и начал издаваться рукописный журнал «Утренняя заря»²⁴, на манер «Наблюдатель» или «Телеграф» как следует, с стихотворениями и изящною словесностью, под редакцией Николая Гавриловича; журнала этого вышло несколько номеров, по счастью, пред отъездом в Петербург, все это было сожжено, и многое другое, при разборе старых бумаг.

[А. П. Шан-Гирей, стр. 727]

* * *

Полагаю, что мы не ошибемся, если скажем, что Лермонтов в наставнике Саши в поэме «Сашка» описывает своего

²³ Не дошедшая до нас «Индианка», как свидетельствует П. А. Висковатый, была писана, но, кажется, не закончена, после, – по прочтении романа Шатобривана «Атала», который Лермонтов думал драматизировать, а потом написал поэму (*Висковатый*, стр. 46).

²⁴ Журнал «Утренняя заря» издавался в Благородном пансионе, и в нем, по видимому, была помещена «Индианка».

гувернера Жандро.

[*Висковатый, стр. 36–37*]

* * *

Его учитель чистый был француз, Marquis de Tess. Педант полузабавный, Имел он длинный нос и тонкий вкус И потому брал деньги преисправно. Покорный раб губернских дам и муз, Он сочинял сонеты, хоть порою

По часу бился с рифмою одною;
Но каламбуров полный лексикон,
Как талисман, носил в карманах он,
И, быв уверен в дамской благодати,
Не размышлял, что кстати, что не кстати.

...

Его отец богатый был маркиз,
Но жертвой стал народного волнения:
На фонаре однажды он повис,
Как было в моде, вместо украшения.
Приятель наш, парижский Адонис,
Оставив прах родителя судьбине,
Не поклонился гордой гильотине:
Он молча проклял вольность и народ,
И натошак отправился в поход,
И наконец, едва живой от муки,
Пришел в Россию поощрять науки.

* * *

Юному впечатлительному питомцу нравился его рассказ

Про сборища народные, про шумный
Напор страстей и про последний час
Венчанного страдальца... Над безумной
Парижскою толпою много раз
Носилося его воображенье... и т. д.

Из рассказов этих молодой Лермонтов почерпнул нелюбовь свою к парижской черни и особенную симпатию к неповинным жертвам, из среды коих особенно выдвигался дорогой ему образ поэта Андрэ Шенье. Но вместе с тем этот же наставник внушал молодежи довольно легкомысленные принципы жизни, и это-то, кажется, выйдя наружу, побудило Арсеньеву ему отказать, а в дом был принят семейный гувернер, англичанин Винд сон. Им очень дорожили, платили большое для того времени жалованье – 3000 р. – и поместили с семьею (жена его была русская) в особом флигеле. Однако же и к нему Мишель не привязался, хотя от него приобрел знание английского языка и впервые в оригинале познакомился с Байроном и Шекспиром.

[Висковатый, стр. 37]

* * *

Мишель начал учиться английскому языку по Байрону и через несколько месяцев стал свободно понимать его; читал Мура и поэтические произведения Вальтер Скотта (кроме этих трех, других поэтов Англии я у него никогда не видал), но свободно объясняться по-английски никогда не мог, французским же и немецким языком владел, как собственным. Изучение английского языка замечательно тем, что с этого времени он начал передразнивать Байрона.

[А. П. Шан-Гирей, стр. 727–728]

* * *

Между тем шло приготовление к экзамену для поступления в Благородный университетский пансион. Занятиями Мишеля руководил Алексей Зиновьевич Зиновьев²⁵, занимавший в пансионе должность надзирателя и учителя русского и латинского языков. Он пользовался репутацией отличного педагога, и родители особенно охотно доверяли де-

²⁵ Об А. З. Зиновьеве (4/П 1801 – 14/П 1884) см. статью Д. Д. Языкова в «Обзоре жизни и трудов покойных русских писателей». СПб., 1888 г., вып. IV; а также его же «Учитель Лермонтова – А. З. Зиновьев», «Исторический Вестник», 1884 г., кн. 6, стр. 606–608. Здесь даны подробная биография и исчерпывающая библиография.

тей своих его руководству. В Благородном пансионе считалось полезным, чтобы каждый ученик отдавался на попечение одного из наставников. Выбор предоставлялся самим родителям. Родственники приехавшей в Москву Арсеньевой, Мещериновы, рекомендовали Зиновьева, и таким образом Лермонтов стал, по принятому выражению, «клиентом» г. Зиновьева и оставался им во всю бытность свою в пансионе.

Пансион помещался тогда на Тверской (дом Базилевского); он состоял из шести классов, в коих обучались до 300 воспитанников. Лермонтов поступил в него в 1828 году, но расстаться со своим любимцем бабушка не захотела, и потому решили, чтобы Мишель был зачислен полупансионером, следовательно, каждый вечер возвращался бы домой.

[А. З. Зиновьев в передаче Висковатого, стр. 37–38]

* * *

Шалун был отдан в модный пансион,
Где много приобрел прекрасных правил.
Сначала пристрастился к книгам он,
Но скоро их с презрением оставил.
Он увидал, что дружба, как поклон, —
Двусмысленная вещь; что добрый малый —
Товарищ скучный, тягостный и вялый;
Что умный – и забавней и сносней,
Чем тысяча услужливых друзей.

И потому (считая только явных)
Он нажил в месяц сто врагов забавных.

И снимок их, как памятник святой,
На двух листах, раскрашенный отлично,
Носил всегда он в книжке записной,
Обернутой атласом, как прилично,
С стальным замком и розовой каймой.
Любил он разговоры злобы тайной
Расстроить словом, будто бы случайно;
Любил врагов внезапно удивлять,
На крик и брань насмешкой отвечать,
Иль, притворясь рассеянным невеждой,
Ласкать их долго тщетною надеждой.

[Лермонтов. «Сашика», строфы CXVI–CXVII]

* * *

Мишель поступил полупансионером в университетский
Благородный пансион²⁶, и мы переехали с Поварской на Ма-
лую Молчановку в дом Чернова.

[А. П. Шан-Гирей, стр. 727]

²⁶ Лермонтов был принят сразу в четвертый класс.

* * *

Когда я спросил у А. З. Зиновьева, знал ли Лермонтов классические языки, он отвечал мне: «Лермонтов знал порядочно латинский язык, не хуже других, а пансионеры знали классические языки очень порядочно. Происходило это оттого, что у нас изучали не язык, а авторов. Языку можно научиться в полгода настолько, чтобы читать на нем, а хорошо познакомясь с авторами, узнаешь хорошо и язык. Если же все напирать на грамматику, то и будешь изучать ее, а языку все же не узнаешь, не зная и не любя авторов».

[Висковатый, стр. 39]

* * *

[Москва. Декабрь 1828 г.]

Милая тетенька! ²⁷

Зная вашу любовь ко мне, я не могу медлить, чтобы обрадовать вас: экзамен кончился, и вакация началась до 8 января; следственно, она будет продолжаться 3 недели. Испытание наше продолжалось от 13-го до 20-го числа. Я вам посылаю баллы, где вы увидите, что г-н Дубенской поставил 4

²⁷ Марья Акимовна Шан-Гирей, урожденная Хастатова, дочь Екатерины Алексеевны, родной сестры Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, бабушки поэта.

русск. и 3 *лат.* \ но он продолжал мне ставить 3 и 2 до самого экзамена, вдруг как-то сжалился и накануне переправил, что произвело меня вторым учеником.

Папенька сюда приехал, и вот уже 2 картины извлечены из моего portefeuille, слава Богу, что такими любезными мне руками!.. Скоро я начну рисовать с (buste) бюстов... Какое удовольствие!.. К тому ж Александр Степанович²⁸ мне показывает также, как должно рисовать пейзажи.

Я продолжал подавать сочинения мои Дубенскому²⁹, а Геркулеса и Прометея взял инспектор, который хочет издавать журнал «Каллиопу» (подражая мне?!), где будут помещаться сочинения воспитанников. Каково вам покажется? Павлов³⁰ мне подражает, перенимает у... меня!.. – стало быть... стало быть... но выводите заключения, какие вам угодно.

Бабушка была немного нездорова зубами, однако же теперь гораздо лучше, а я – о! je me porte comme a l'ordinaire... – bien!³¹ Прощайте, милая тетенька, желаю, чтобы вы были внутренне покойны, след, здоровы, ибо: les douleurs du corps proviennent des maux de Fame³². Остаюсь

²⁸ Александр Степанович Солоницкий – преподаватель Благородного пансиона.

²⁹ Дмитрий Никитич Дубенской – преподаватель Благородного пансиона.

³⁰ Михаил Григорьевич Павлов – инспектор Благородного пансиона.

³¹ Я себя чувствую как всегда... Хорошо!

³² Болезни тела происходят от недомогания души (духа).

ваш покорный племянник.

Я прилагаю вам, милая тетенька, стихи, кои прошу поместить к себе в альбом, а картинку я еще не нарисовал. На вакацию надеюсь исполнить свое обещание.

Вот стихи:

ПОЭТ

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой Девы лик священный
Живою кистью окончал:
Своим искусством восхищенный,
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И, утомленный и немой,
Он забывал огонь небесный.
Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поёт, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Все тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.

Не зная, что дяденька в Апалихе³³, я не писал к нему, но прошу извинения и свидетельствую ему мое почтение.

[Письмо Лермонтова к М. А. Шан-Гирей. Акад, изд., т. IV, стр. 303–304]

* * *

ВЕДОМОСТЬ О ПОВЕДЕНИИ И УСПЕХАХ УНИВЕРСИТЕТСКОГО БЛАГОРОДНОГО ПАНСИОНА ВОСПИТАННИКА 4-го КЛАССА М. ЛЕРМОНТОВА³⁴

Поведение – Весьма похвально Прилежание – Весьма похвально Успехи:

Закон Божий – 3

Математика – 4

Русский язык – 4

Латинский язык – 3

История – 4

География – 4

Немецкий язык – 4

Французский язык – 4

Заключение – 30

³³ «Дяденька» – муж Марии Акимовны – П. Шан-Гирей. Апалиха – имение Шан-Гиреев в Чембарском уезде Пензенской губ., по соседству с Тарханами.

³⁴ 4 – означает высшую степень, а 0 – низшую.

За 24 балла перевод в 5-й класс

Инспектор Павлов.

[Лермонтов. Акад, изд., т. IV, стр. 390]

* * *

[Москва, 1829]

<...> Вакации приближаются и... прости! достопочтенный пансион! Но не думайте, чтобы я был рад оставить его, потому что учение прекратится; нет! дома я заниматься буду еще более, нежели там. Вы спрашивали о баллах, милая тетенька, увы! – у нас в пятом классе с самого нового года еще не все учителя поставили сии *вывески нашей премудрости!* (выражение одного ученика). Помните ли, милая тетенька, вы говорили, что наши актеры (московские) хуже петербургских. Как жалко, что вы не видели здесь «Игрока»³⁵, трагедию «Разбойники». Вы бы иначе думали. Многие из петербургских *господ* соглашаются, что эти пьесы лучше идут, нежели там, и что Мочалов в многих местах превосходит Каратыгина. Бабушка, я и Еким, все, слава Богу, здоровы, но М-г G. Gendroz³⁶ был болен, однако теперь почти совсем поправился. Постараюсь следовать советам вашим, ибо я уверен, что они служат к моей пользе. Нелую ваши ручки. По-

³⁵ Переводная драма «Le joueur» или мелодрама Зорова «Тридцать лет, или Жизнь игрока».

³⁶ Жандро — гувернер Лермонтова, о нем см. выше.

корный ваш племянник

М. Лермонтов.

P.S. Прошу вас дяденьке засвидетельствовать мое почтение и у тетенки Анны Акимовны целую ручки. Также прошу поцеловать за меня Алешу, двух Катюш и Машу¹.

М.Л.

[Из письма Лермонтова к М. А. Шан-Гирей. Акад, изд., т. IV, стр. 305]

* * *

В соседстве с нами³⁷ ³⁸ жило семейство Лопухиных, старик отец, три дочери девицы и сын; они были с нами как родные и очень дружны с Мишелем, который редкий день там не бывал. Были также у нас родственницы со взрослыми дочерьми, часто навещавшие нас, так что первое общество, в которое попал Мишель, было преимущественно женское, и оно непременно должно было иметь влияние на его впечатлительную натуру.

[А. И. Шан-Гирей, стр. 727–728]

³⁷ Дети Марии Акимовны Шан-Гирей, за исключением одной из Катюш – дочери Анны Акимовны (Петровой), впоследствии Екатерины Павловны Веселовской.

³⁸ Арсеньева с Лермонтовым и Акимом Шан-Гирей жила на Малой Молчановке в доме Чернова.

У Сашеньки³⁹ встречала я в это время ее двоюродного брата, неуклюжего, косолапого мальчика лет шестнадцати или семнадцати, с красными, но умными, выразительными глазами⁴⁰, со вздернутым носом и язвительно-насмешливой улыбкой. Он учился в Университетском пансионе, но ученые его занятия не мешали ему быть почти каждый вечер нашим кавалером на гулянье и на вечерах; все его называли просто Мишель, и я так же, как и все, не заботясь нимало о его фамилии. Я прозвала его своим чиновником по особым поручениям и отдавала ему на сбережение мою шляпу, мой зонтик, мои перчатки, но перчатки он часто затеривал, и я грозила отрешить его от вверенной ему должности.

Один раз мы сидели вдвоем с Сашенькой в ее кабинете, как вдруг она сказала мне: «Как Лермонтов влюблен в тебя!»

– Лермонтов! да я не знаю его и, что всего лучше, в первый раз слышу его фамилию.

– Перестань притворяться, перестань скрывать, ты не знаешь Лермонтова? Ты не догадалась, что он любит тебя?

³⁹ Александра Михайловна Верещагина (впоследствии баронесса Гюгель, жена вюртембергского дипломата) – кузина и приятельница Лермонтова.

⁴⁰ А. П. Шан-Гирей в своих воспоминаниях протестует: «Мишель не был косолап, и глаза его были вовсе не красные, а скорее прекрасные» («Русское Обозрение», 1890 г., кн. 8, стр. 729).

– Право, Сашенька, ничего не знаю и в глаза никогда не видала его, ни наяву, ни во сне.

– Мишель, – закричала она, – поди сюда, покажись. Catherine утверждает, что она тебя еще не рассмотрела, иди же скорее к нам.

– Вас я знаю, Мишель, и знаю довольно, чтоб долго помнить вас, – сказала я вспыхнувшему от досады Лермонтову, – но мне ни разу не случилось слышать вашу фамилию, вот моя единственная вина, я считала вас, по бабушке, Арсеньевым.

– А его вина, – подхватила немилосердно Сашенька, – это красть перчатки петербургских модниц, вздыхать по ним, а они даже и не позаботятся осведомиться об его имени.

Мишель рассердился и на нее и на меня и опрометью побежал домой (он жил почти против Сашеньки); как мы его ни звали, как ни кричали ему в окно:

Revenez done tantot,
Vous aurez du bonbon, – ⁴¹

но он не возвращался. Прошло несколько дней, а о Мишеле ни слуху, ни духу; я о нем не спрашивала, мне о нем ничего не говорила Сашенька, да я и не любопытствовала разузнавать, дуется ли он на меня или нет.

[Сушкова, стр. 108–110]

⁴¹ *Возвращайтесь же скорее, Вы получите конфеты.*

* * *

1830 (мне теперь 15 лет). Я однажды (3 года назад) украл у одной девушки, которой было 17 лет, и потому безнадежно любимой мною, бисерный синий снурок; он и теперь у меня хранится.

Кто хочет узнать имя девушки, пускай спросит у двоюродной сестры моей. Как я был глуп!..⁴²

[Лермонтов. Акад, изд., т. IV, стр. 350. Из VI тетр, автогр. Лерм.

муз., л. 33, об.]

* * *

Музыка моего сердца была совсем расстроена нынче. Ни одного звука не мог я извлечь из скрипки, на фортепьяно, чтоб они не возмутили моего слуха.

[Лермонтов. Акад, изд., т. IV, стр. 349. Из V тетради автогр. Лерм.

муз., л. 13, об.]

⁴² П. А. Висковатый предполагает, что эта запись, сделанная уже в пансионе, относится ко второй любви двенадцатилетнего Лермонтова, когда он гостил в Ефремовской деревне отца (*Висковатый*, стр. 91–96).

* * *

1830. Замечание. Когда я начал марать стихи в 1828 г. (в пансионе), я, как бы по инстинкту, переписывал и прибирал их. Они еще теперь у меня. Ныне я прочел в жизни Байрона, что он делал то же – это сходство меня поразило.

[Лермонтов. Акад, изд., т. IV, стр. 349. Из V тетради автограф.

Лерм, муз., л. 13]

* * *

Лучшие профессора того времени преподавали у нас в пансионе, и я еще живо помню, как на лекциях русской словесности заслуженный профессор Мерзляков принес к нам в класс только что вышедшее стихотворение Пушкина:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя, и проч.

и как он, древний классик, разбирая это стихотворение, критиковал его, находя все уподобления невозможными, неестественными, и как все это бесило тогда Лермонтова. Я не помню, конечно, какое именно стихотворение представил Лермонтов Мерзлякову; но чрез несколько дней, возвращая

все наши сочинения на заданные им темы, он, возвращая стихи Лермонтову, хотя и похвалил их, но прибавил только: «молодо, зелено», какой, впрочем, аттестации почти все наши сочинения удостаивались. Все это было в 1829 или 1830 году, за давностью хорошо не помню⁴³. Нашими соучениками в то время были блистательно кончившие курс братья Д. А. и Н. А. Милютины и много бывших потом государственных деятелей.

[А. М. Миклашевский. «Русская Старина», 1884 г., т. XII, стр. 589]

* * *

В последнем 6-м классе пансиона сосредоточивались почти все университетские факультеты, за исключением, конечно, медицинского. Там преподавали все науки, и потому у многих, во время экзамена, выходил какой-то хаос в голове. Нужно было приготовиться, кажется, из 36 различных предметов. Директором был у нас Курбатов. Инспектором, он же и читал физику в 6-м классе, М. Г. Павлов. Судопроизводство – старик Сандунов. Римское право – Малов, с которым потом была какая-то история в университете. Фортификацию читал Мягков. Тактику, механику и проч, и проч,

⁴³ Вероятнее всего, в самом начале 1830 года, так как «Северные Цветы», в которых был помещен «Зимний вечер» Пушкина, вышли в 20-х числах декабря 1829 года.

я уже не помню кто читал. Французский язык – Бальтус, с которым ученики проделывали разные шалости, подкладывали ему под стул хлопушки и проч.

[А. М. Миклашевский. «Русская Старина», 1884 г., т. XII, стр. 590]

* * *

Сабуров⁴⁴... не понимал моего пылкого сердца.

[Надпись над стихотворением 1829 г. – «Пир», во II тетради Лерм. муз., л. 3]

* * *

...Пьесу («Русская мелодия») ⁴⁵ подавал за свою Раичу⁴⁶ Дурнов – друг, которого поныне люблю и уважаю за его открытую и добрую душу. Он мой первый и последний.

[Заметка Лермонтова во II тетради Лерм, муз., л. 18]

⁴⁴ Сабуров – друг детства и юности Лермонтова, доставивший ему немало разных огорчений. О Сабурове подробнее см. *Висковатый*, стр. 50–51.

⁴⁵ «В уме своем я создал мир иной» (см. Акад. изд., т. I, стр. 57–58, 1829 г.).

⁴⁶ Раич Семен Егорович (1792–1855) – литератор и педагог. Учитель Лермонтова по Благородному пансиону; основатель Общества молодых любителей литературы; издатель альманаха «Новые Аониды» (1823), «Северная Ли́ра» (1827) и журнала «Галатеея»; стихотворец и переводчик «Освобожденного Иерусалима», «Неистового Орланда», «Георгию» Виргиния и т. д.

* * *

Наша дружба [с Сабуровым] смешана с столькими разрывами и сплетнями, что воспоминания об ней совсем не веселы. Этот человек имеет женский характер. Я сам не знаю, отчего так дорожил им⁴⁷.

[Запись Лермонтова во II тетради Лерм, муз., л. 24]

* * *

Всем нам товарищи давали разные прозвища. В памяти у меня сохранилось, что Лермонтова, не знаю почему, – прозвали лягушкой. Вообще, как помнится, его товарищи не любили, и он ко многим приставал. Не могу припомнить, пробыл ли он в пансионе один год или менее, но в 6-м классе к концу курса он не был. Все мы, воспитанники Благородного пансиона, жили там и отпускались к родным по субботам, а Лермонтова бабушка ежедневно привозила и отвозила домой.

⁴⁷ Эта запись, сделанная около стихотворения «К N.N.» («Ты не хотел! Но скоро волю рока»), обращенного к Сабурову, относится также к 1829 г. В этом стихотворении есть такие заключительные строки: Я оттолкну униженную руку, Я вспомню дружбу нашу, как во сне; Никто со мной делить не будет скуку, — Таких друзей не надо больше мне. Ты хладен был, когда я зрел несчастье Или удар печальной клеветы; Но придет час, и будешь в горе ты, Ине пробудится в душе моей участие! [*Лермонтов. Акад, изд., т. I, стр. 62*]

[А. М. Миклашевский. «Русская Старина» 1884 г., т. XII, стр. 590]

* * *

Как теперь смотрю я на милого моего питомца, отличившегося на пансионском акте... Среди блестящего собрания он прекрасно произнес стихи Жуковского «К морю» и заслужил громкие рукоплескания. Он прекрасно рисовал, любил фехтование, верховую езду, танцы, и ничего в нем не было неуклюжего: это был коренастый юноша, обещавший сильного и крепкого мужа в зрелых годах.

[В. З. Зиновьев в передаче А. Н. Пыпина. Сочинения Лермонтова под ред. П. А. Ефремова, 1873 г., стр. XIX]

* * *

Пансионская жизнь Мишеля была мне мало известна, знаю только, что там с ним не было никаких историй; изо всех служащих при пансионе видел только одного надзирателя, Алексея Зиновьевича Зиновьева, бывавшего часто у бабушки, а сам в пансионе был один только раз, на выпускном акте, где Мишель декламировал стихи Жуковского: «Безмолвное море, лазурное море, стою очарован над бездной твоей». Впрочем, он не был мастер декламировать и даже

впоследствии читал свои прекрасные стихи довольно плохо.
[А. П. Шан-Гирей, стр. 727]

* * *

В то время был публичный экзамен в университетском пансионе. Мишель за сочинения и успехи в истории получил первый приз: весело было смотреть, как он был счастлив, как торжествовал. Зная его чрезмерное самолюбие, я ликовала за него. Смолоду его грызла мысль, что он дурен, не складен, не знатного происхождения, и в минуты увлечения он признавался мне не раз, как бы хотелось ему попасть в люди, а главное, никому в этом не быть обязану, кроме самого себя. Мечты его уже начали сбываться, долго, очень долго будет его имя жить в русской литературе – и до гроба в сердцах многих из его поклонниц.

[Сушкова, стр. 129]

* * *

Пошел наконец внуку и роковой для бабушки 16-й год. Подходил срок условию. Отец мог потребовать выполнения условий – отдачи ему сына обратно. Начались переговоры. Как раз в этом 1830 году император Николай Павлович приказал (29 марта) закрыть «Благородный университетский

пансион» и переименовано в гимназию. Лермонтов находился тогда в старшем отделении высшего класса. Он, как и многие другие, подал прошение об увольнении и получил его 16 апреля.

[Висковатый, стр. 66]

СВИДЕТЕЛЬСТВО ⁴⁸

из Благородного Пансиона Императорского Московского Университета пансионеру Михаилу Лермантову в том, что он в 1828 году был принят в Пансион, обучался в старшем отделении высшего класса разным языкам, искусствам и преподаваемым в оном нравственным, математическим и словесным наукам, с *отличным* прилежанием, с *похвальным* поведением и с *весьма хорошими успехами*; ныне же по прошению его от Пансиона с сим уволен.

Дано в Москве за подписанием директора оного Пансиона, статского советника и кавалера, с приложением пансионской печати.

Петр Курбатов

Апреля 16-го дня 1830 года.

Печать Московского Университетского Благородного Пансиона

⁴⁸ Печатается с сохранением особенностей орфографии по подлиннику, хранящемуся в Пушкинском Доме. Впервые было опубликовано П. А. Висковатым в «Приложениях» к биографии Лермонтова.

День ото дня Москва пустела, все разъезжались по деревням, и мы, следуя за общим полетом, тоже собирались в подмосковную, куда я стремилась с нетерпением, – так прискучили мне однообразные веселости Белокаменной. Сашенька уехала уже в деревню, которая находилась в полутора верстах от нашего Большакова, а тетка ее Столыпина жила от нас в трех верстах, в прекрасном своем Средникове⁴⁹, у нее гостила Елизавета Алексеевна Арсеньева с внуком своим Лермонтовым. Такое приятное соседство сулило мне много удовольствия, и на этот раз я не ошиблась. В деревне я наслаждалась полной свободой. Сашенька и я по нескольку раз в день ездили и ходили друг к другу, каждый день выдумывали разные *parties de plaisir*: катанья, кавалькады, богомолья; то-то было мне раздолье!..

...По воскресеньям мы езжали к обедне в Средниково и оставались на целый день у Столыпинной. Вчуже отрадно было видеть, как старушка Арсеньева боготворила внука своего Лермонтова; бедная, она пережила всех своих, и один Мишель остался ей утешением и опорой на старость; она жила им одним и для исполнения его прихотей; не нахвалится, бывало им, не налюбуется на него; бабушка (мы все ее

⁴⁹ Средниково, или Середниково, – подмосковное имение брата Е. А. Арсеньевой, – Дмитрия Алексеевича Столыпина – замечательно умного и образованного человека. Середниково лежит в 20 верстах от Москвы, по дороге в Ильинское, в прекрасной местности, и принадлежало тогда уже вдове Дмитрия Алексеевича – Екатерине Апраксеевне Столыпинной.

так звали) любила очень меня, я предсказывала ей великого человека в косолапом и умном мальчике.

Сашенька и я, точно, мы обращались с Лермонтовым как с мальчиком, хотя и отдавали полную справедливость его уму. Такое обращение бесило его до крайности, он домогался попасть в юноши в наших глазах, декламировал нам Пушкина, Ламартина и был неразлучен с огромным Байроном. Бродит, бывало, по тенистым аллеям и притворяется углубленным в размышления, хотя ни малейшее наше движение не ускользало от его зоркого взгляда. Как любил он под вечерок пускаться с нами в самые сантиментальные суждения, а мы, чтоб подразнить его, в ответ подадим ему волан или веревочку, уверяя, что по его летам ему свойственнее прыгать и скакать, чем прикидываться непонятым и неоцененным снимком с первейших поэтов.

[Сушкова, стр. 110–111]

* * *

[1830]. Еще сходство в жизни моей с лордом Байроном. Его матери в Шотландии предсказала старуха, что он будет *великий человек* и будет два раза женат. Про меня (Мне) на Кавказе предсказала *то же самое* (повивальная) старуха моей Бабушке. Дай Бог, чтоб и надо мной сбылось, хотя б я был так же несчастлив, как Байрон.

[Лермонтов. Акад, изд., т. IV, стр. 351. Из VII тетр, ав-

тогр. Лерм.
муз., л. 2]

* * *

К***

(Прочитав жизнь Байрона, написанную Муром)

Не думай, чтоб я был достоин сожаленья,
Хотя теперь слова мои печальны, – нет,
Нет! все мои жестокие мученья —
Одно предчувствие гораздо больших бед.
Я молод, но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел:
У нас одна душа, одни и те же муки;
О, если б одинаков был удел!..
Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой,
Любил закат в горах, пенящиеся воды
И бурь земных и бурь небесных вой.
Как он, ищу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслию одной.
Гляжу назад – прошедшее ужасно,
Гляжу вперед – там нет души родной!

[Лермонтов. Акад, изд., т. I, стр. 141]

Нет, я не Байрон, я другой,

Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я – или бог – или никто!

1831 г.

[Лермонтов. Акад, изд., т. I, стр. 300]

* * *

[1830]. Наша литература так бедна, что я из нее ничего не могу заимствовать; в 15 же лет ум не так быстро принимает впечатления, как в детстве; но тогда я почти ничего не читал. Однако же если захочу вдаваться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях.

Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская, – я не слыхал сказок народных: в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности.

[Лермонтов. Акад, изд., т. IV, стр. 350–351. Из VI тетр, автогр.]

С этими песнями знакомил Михаила Юрьевича учитель русской словесности семинарист Орлов. Он давал уроки Аркадию Столыпину, сыну владетельницы Средникова, Екатерины Апраксеевны. Орлов имел слабость придерживаться чарочки. Его держали в черном теле и не любили, чтобы дети вне уроков были в его обществе. Лермонтов, который был на несколько лет старше своего родственника, беседовал с семинаристом, и этот поправлял ему ошибки и объяснял ему правила русской версификации, в которой молодой поэт был слаб. Часто беседы оканчивались спорами. Миша никак, конечно, не мог увлечься красотами поэтических произведений, которыми угощал его Орлов из запаса своей семинарской мудрости, но охотно слушал он народные песни, с которыми тот знакомил его.

В рано созревшем уме Миши было, однако, много детского: будучи в старших классах Университетского пансиона и много и серьезно читая, он в то же время находил забаву в том, чтобы клеить с Аркадием из папки латы и, вооружаясь самодельными мечами и копьями, ходить с ним в глухие места воевать с воображаемыми духами. Особенно привлекали их воображение развалины старой бани, кладбище и так называемый «Чертов мост». Товарищем ночных посещений

кладбищ или уединенного, страх возбуждающего, места бывал некто Лаптев, сын семьи, жившей поблизости в имении своем.

[Рассказы А. Д. Столыпина в передаче Висковатого, стр. 90–91]

* * *

(Середниково. В мыльне, ночью, когда мы ходили по папугать.)

Сижу я в комнате старинной
Один с товарищем моим.
Фонарь горит, и тенью длинной
Пол омрачен. Как легкий дым,
Туман окрестность одевает,
И хладный ветер по листьям
Высоких лип перебегает.
Я у окна. Опасно нам
Заснуть. А как узнать? – быть может,
Приход неожиданный нас встревожит!
Готов мой верный пистолет,
В стволе свинец, на полке порох.
У двери слушаю... Чу!.. шорох
В развалинах... и крик!.. Но нет!
Томышь летучая промчалась,
То птица ночи испугалась!
На темной синеве небес

Луна меж тучками ныряет.
Спокоен я. Душа пылает
Отвагой: ни мертвец, ни бес,
Ничто меня не испугает,
Ничто... Волшебный талисман
Я на груди ношу с тоскою;
Хоть не твоей любовью дан,
Он освящен твоей рукою.

1831 г.

[Лермонтов. Акад., изд., т. I, стр. 264–265]

* * *

Еще очень подсмеивались мы над ним в том, что он не только был неразборчив в пище, но никогда не знал что ел: телятину или свинину, дичь или барашка; мы говорили, что, пожалуй, он со временем, как Сатурн, будет глотать булж-ник. Наши насмешки выводили его из терпения, он споривал с нами почти до слез, стараясь убедить нас в утонченности своего гастрономического вкуса; мы побились об заклад, что уличим его в противном на деле. И в тот же самый день, после долгой прогулки верхом, велели мы напечь к чаю булочек с опилками. И что же? Мы вернулись домой утомленные, разгоряченные, голодные, с жадностью принялись за чай, а наш-то гастроном Мишель, не поморшась, проглотил одну булочку, принялся за другую и уже придвинул к себе третью,

но Сашенька и я – мы остановили его за руку, показывая в то же время на неудобосваримую для желудка начинку. Тут не на шутку взбесился он, убежал от нас и не только не говорил с нами ни слова, но даже и не показывался несколько дней, притворившись больным⁵⁰.

Между тем его каникулы приходили к концу, и Елизавета Алексеевна собиралась уехать в Москву, не решаясь расставаться со своим Бенямином. Вся молодежь, и я в том же числе, отправились провожать бабушку с тем, чтоб из Москвы отправиться пешком в Сергиевскую лавру.

Накануне отъезда я сидела с Сашенькой в саду; к нам подошел Мишель. Хотя он все еще продолжал дуться на нас, но предстоящая разлука смягчила гнев его; обменявшись несколькими словами, он вдруг опрометью убежал от нас. Сашенька пустилась за ним, я тоже встала и тут увидела у ног своих не очень щегольскую бумажку, подняла ее, развернула, движимая наследственным любопытством прародительницы. Это были первые стихи Лермонтова, поднесенные мне таким оригинальным образом.

⁵⁰ То же самое вспоминает и М. Меликов в своих «Заметках и воспоминаниях художника-живописца» («Русская Старина», 1896 г., кн. 6, стр. 644): «Помню характерную черту Лермонтова: он был ужасно прожорлив и ел всё, что подавалось. Это вызывало насмешки и шутки окружающих, особенно барышень, к которым Лермонтов вообще был равнодушен. Однажды нарочно испекли ему пирог с опилками; он, не разбирая, начал его есть, а потом страшно рассердился на эту злую шутку».

ЧЕРНООКОЙ

Твои пленительные очи

Яснее дня, чернее ночи.

Вблизи тебя до этих пор
Я не слышал в груди огня.
Встречал ли твой волшебный взор —
Не билось сердце у меня.
И пламень звездочных очей,
Который вечно, может быть,
Останется в груди моей,
Не мог меня воспламенить.
К чему ж разлуки первый звук
Меня заставил трепетать?
Он не предвестник долгих мук,
Я не люблю! Зачем страдать?
Однако же хоть день, хоть час
Желал бы дольше здесь пробыть,
Чтоб блеском ваших чудных глаз
Тревогу мыслей усмирить⁵¹.

⁵¹ В Академическом издании (т. I, стр. 138) это стихотворение напечатано со значительными разночтениями в последней законченной редакции. Так, напр., в последней редакции устранено несоответствие стиха 2-го «твой волшебный взор» и 15-го «блеском Ваших чудных глаз» (читается: «этих чудных глаз»). Автограф впервые воспроизведен в записках Сушковой, изд. «Academia», между

*Средниково,
12 августа (1830)*

Я показала стихи возвратившейся Сашеньке и умоляла ее не трунить над отроком-поэтом.

На другой день мы все вместе поехали в Москву. Лермонтов ни разу не взглянул на меня, не говорил со мною, как будто меня не было между ними, но не успела я войти в Сашенькину комнату, как мне подали другое стихотворение от него. Насмешкам Сашеньки не было конца за то, что мне дано свыше вдохновлять и образовывать поэтов.

* * *

БЛАГОДАРИЮ!

Благодарю!., вчера мое признание
И стих мой ты без смеха приняла;
Хоть ты страстей моих не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

В другом краю ты некогда пленяла,
Твой чудный взор и острота речей
Останутся навек в душе моей,

Но не хочу, чтобы ты мне сказала:
Благодарю!

Я б не желал умножить в цвете жизни
Печальную толпу твоих рабов
И от тебя услышать, вместо слов
Язвительной, жестокой укоризны:
Благодарю!

О, пусть холодность мне твой взор укажет⁵²,
Пусть он убьет надежды и мечты
И все, что в сердце возродила ты;
Душа моя тебе тогда лишь скажет:
Благодарю!

*Средниково,
12 августа [1830]*

На следующий день, до восхождения солнца, мы встали и бодро отправились пешком на богомолье; путевых приключений не было, все мы были веселы, много болтали, еще более смеялись, а чему? Бог знает! Бабушка ехала впереди шагом, верст за пять до ночлега или до обеденной станции отправляли передового готовить заранее обед, чай или постели, смотря по времени. Чудная эта прогулка останется на-

⁵² В Академическом издании (т. I, стр. 149) это стихотворение напечатано с иной пунктуацией и очень незначительными разночтениями. Стих 16-й читается так: «О пусть холодность мне твой взор покажет». Автограф неизвестен.

всегда золотым для меня воспоминанием.

На четвертый день мы пришли в Лавру изнуренные и голодные. В трактире мы переменяли запыленные платья, умылись и поспешили в монастырь отслужить молебен. На паперти встретили мы слепого нищего. Он дряхлою дрожащею рукою поднес нам свою деревянную чашечку, все мы надавали ему мелких денег; услыша звуки монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: «Пошли вам Бог счастье, добрые господа; а вот наемдни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!»

Помолясь святым угодникам, мы поспешно возвратились домой, чтоб пообедать и отдохнуть. Все мы суетились около стола в нетерпеливом ожидании обеда, один Лермонтов не принимал участия в наших хлопотах; он стоял на коленях перед стулом, карандаш его быстро бегал по клочку серой бумаги, и он как будто не замечал нас, не слышал, как мы шумели, усаживаясь за обед и принимаясь за ботвинью. Окончив писать, он вскочил, тряхнул головой, сел на оставшийся стул против меня и передал мне нововышедшие из-под его карандаша стихи:

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья,
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою,
Так чувства лучшие мои
Навек обмануты тобою!⁵³

«Благодарю вас, Monsieur Michel, за ваше посвящение и поздравляю вас, с какой скоростью из самых ничтожных слов вы извлекаете милые экспромты, но не рассердитесь за совет: обдумывайте и обрабатывайте ваши стихи, и со временем те, которых вы воспоете, будут гордиться вами».

– И сами собой, – подхватила Сашенька, – особенно первые, которые внушили тебе такие поэтические сравнения. Bravo, Мишель!

Лермонтов как будто не слышал ее и обратился ко мне:

– А вы будете ли гордиться тем, что вам первой я посвятил свои вдохновения?

– Может быть, более других, но только со временем, когда из вас выйдет настоящий поэт, и тогда я с наслаждением буду вспоминать, что ваши первые вдохновения были посвя-

⁵³ В Академическом издании (т. I, стр. 167) этот стих читается: «Обмануты навек тобою». Других разночтений нет. Судя по тексту «Записок» Сушковой, это стихотворение было написано 17 августа 1830 года.

щены мне, а теперь, Monsieur Michel, пишите, но пока для себя одного; я знаю, как вы самолюбивы, и потому даю вам этот совет, за него вы со временем будете меня благодарить.

– А теперь еще вы не гордитесь моими стихами?

– Конечно нет, – сказала я смеясь, – а то я была бы похожа на тех матерей, которые в первом лепете своих птенцов находят и ум, и сметливость, и характер, а согласитесь, что и вы, и стихи ваши еще в совершенном младенчестве.

– Какое странное удовольствие вы находите так часто напоминать мне, что я для вас более ничего, как ребенок.

– Да ведь это правда; мне восемнадцать лет, я уже две зимы выезжаю в свет, а вы еще стоите на пороге этого света и не так-то скоро его перешагнете.

– Но когда перешагну, подадите ли вы мне руку помощи?

– Помощь моя будет вам лишняя, и мне сдается, что ваш ум и талант проложат вам широкую дорогу, и тогда вы, может быть, отречетесь не только от теперешних слов ваших, но даже и от мысли, чтоб я могла протянуть вам руку помощи.

– Отрекись! Как может это быть! Ведь я знаю, я чувствую, я горжусь тем, что вы внушили мне, любовью вашей к поэзии, желание писать стихи, желание их вам посвящать и этим обратить на себя ваше внимание; позвольте мне доверить вам все, что выльется из-под пера моего?

– Пожалуй, но и вы разрешите мне говорить вам неприятное для вас слово: благодарю?

– Вот вы и опять надо мной смеетесь; по вашему тону я вижу, что стихи мои глупы, нелепы, – их надо переделать, особенно в последнем куплете, я должен бы был молить вас совсем о другом, переделайте же его сами не на словах, а на деле, и тогда я пойму всю прелесть благодарности.

Он так на меня посмотрел, что я вспыхнула и, не находя, что отвечать ему, обратилась к бабушке с вопросом: какую карьеру изберет она для Михаила Юрьевича?

– А какую он хочет, матушка, лишь бы не был военным.

После этого разговора я переменяла тон с Лермонтовым, часто называла его Михаилом Юрьевичем, чему он очень радовался, слушала его рассказы, просила его читать мне вслух и лишь тогда только подсмеивалась над ним, когда он, бывало, увлекшись разговором, с жаром говорил, как сладостно любить в первый раз, и что ничто в мире не может изгнать из сердца образ первой страсти, первых вдохновений. Тогда я очень серьезно спрашивала у Лермонтова, есть ли этому предмету лет десять и умеет ли предмет его вздохов читать хотя по складам его стихи?

После возвращения нашего в деревню из Москвы прогулки, катанья, посещения в Средниково снова возобновились, все пошло по-старому, но нельзя не сознаться, что Мишель оживлял все эти удовольствия и что без него не жилось так весело, как при нем.

Он писал Сашеньке длинные письма, обращался часто ко мне с вопросами и с суждениями и забавлял нас анекдотами

о двух братьях Фее, и для отличия называл одного Fè-nez-long, Fè-nez-court;¹ бедный Фенелон был чем-то в Университетском пансионе и служил целью эпиграмм, сарказмов и карикатур Мишеля.

В одном из своих писем он переслал мне следующие стихи, достойные даже и теперь его имени^{54 55} :

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел,
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О Боге великом он пел, и хвала

⁵⁴ «Фее – длинный нос, Фее – короткий нос». П. А. Висковатый (стр. 128) говорит, что он в 80-х годах отыскал в Москве г. Фея – товарища Лермонтова, но он «мог сообщить немного».

⁵⁵ Строфы эти, впервые опубликованные в «Одесском альманахе на 1840 г.», сохранились в ранней своей редакции в альбоме А. М. Верещагиной, через которую, вероятно, и стали известны Е. А. Сушковой. В прежних изданиях ее записок воспроизводилась лишь первая строка «Ангела», весь текст которого по авторизованной копии Пушкинского Дома (тетрадь XV, стр. 3) был дан Ю. Г. Оксманом в последнем издании записок Сушковой (изд. Academia), которым мы и пользуемся для нашей работы. Следует отметить, что сама Сушкова указывала на своеобразие ей принадлежащей редакции этих стихов: «Последняя строфа начинается иначе, нежели в печатном, а именно: „С тех пор, неизвестным желаньем полна, страдала, томилась она“» («Русский Вестник», 1857 г., т. XI, стр. 401–402).

Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез,
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.

И долго на свете томилась она
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

О, как я обрадовалась этим стихам, какая разница с тремя первыми его произведениями, в этом уже просвечивал гений.

Сашенька и я, мы первые преклонились перед его талантом и пророчили ему, что он станет выше всех его современников; с этих пор я стала много думать о нем и об его грядущей славе.

[Сушкова, стр. 111–119]

* * *

В четырнадцать или пятнадцать лет он уже стал писать стихи, которые далеко еще не предвещали будущего блестящего и могучего таланта.

Созрев рано, как и все современное ему поколение, он

уже мечтал о жизни, не зная о ней ничего, и таким образом теория повредила практике. Ему не достались в удел ни прелести, ни радости юношества; одно обстоятельство, уже с той поры, повлияло на его характер и продолжало иметь печальное и значительное влияние на всю его будущность. Он был дурен собою, и эта некрасивость, уступившая впоследствии силе выражения, почти исчезнувшая, когда гениальность преобразила простые черты его лица, была поразительна в его самые юношеские годы. Она-то и порешила образ мыслей, вкусы и направление молодого человека, с пылким умом и неограниченным честолюбием. Не признавая возможным нравиться, он решил соблазнять или пугать и драпировался в байронизм, который был тогда в моде. Дон Жуан сделался его героем, мало того – его образцом; он стал бить на таинственность, на мрачное и на колкости. Эта детская игра оставила неизгладимые следы в подвижном и впечатлительном воображении; вследствие того, что он представлял из себя Лара и Манфреда, он привык быть таким. В то время я его два раза видела на детских балах, на которых я прыгала и скакала, как настоящая девочка, которую я и была, между тем как он, одних со мною лет, даже несколько моложе, занимался тем, что старался свернуть голову одной моей кузине⁵⁶, очень кокетливой; с ней, как говорится, шла у него двойная игра; я до сей поры помню странное впечатление,

⁵⁶ В подлиннике: «s'occupait de tourner la tete a une cousine a moi» – «свернуть голову» в смысле «вскружить». Кузина – Е. А. Сушкова.

произведенное на меня этим бедным ребенком, загримированным в старика и опередившим года страстей трудолюбивым подражанием. Кузина поверяла мне свои тайны; она показывала мне стихи, которые Лермонтов писал ей в альбом; я находила их дурными, особенно потому, что они не были правдивы. В то время я была в полном восторге от Шиллера, Жуковского, Байрона, Пушкина; я сама пробовала заняться поэзией и написала оду на Шарлотту Корде, и была настолько разумна, что впоследствии ее сожгла ⁵⁷. Наконец, я даже не имела желаний познакомиться с Лермонтовым, – столь он казался мне мало симпатичным.

Он тогда был в Благородном пансионе, служившем приготовительным пансионом при Московском университете.

[Перевод из французского письма Е. П. Ростопчиной к А. Дюма. «Le Caucase. Nouvelles impressions de voyage par Alex. Dumas».

Leipzig, 1859, pp. 252–253⁵⁸]

⁵⁷ Е. П. Ростопчина, урожд. Сушкова (1811–1858) – известная русская поэтесса. Два тома ее сочинений уже после смерти переизданы вторым изданием С. Сушковым в 1890 году (СПб.), а биография написана Е. Некрасовой («Вестник Европы», 1885 г., кн. 3, а также дополнения: «Русск. Архив», 1885 г., кн. 3; «Исторический Вестник», 1885 г., стр. 495–496 и «Вестник Европы» 1888 г., кн. 5).

⁵⁸ Полный перевод письма Ростопчиной к А. Дюма впервые был напечатан в «Русской Старине», 1882 г., кн. 9, стр. 610–620, а затем был воспроизведен в дополнениях к «Запискам» Сушковой, изд. «Academia», 1928, стр. 343–354.

Речь зашла о том, где продолжать воспитание Мишеля. Думали везти молодого человека за границу: бабушка мечтала о Франции, а отец о Германии.

Чем более приближалось время окончательной перемены судьбы Михаила Юрьевича, тем более обострялось взаимное нерасположение тещи и зятя. В Юрии Петровиче прорывалась накипевшая годами злоба и желание вознаградить себя за долгую разлуку с сыном; в Елизавете Алексевне проснулся весь страх за потерю самого дорогого в жизни. Вся борьба между ними сосредоточилась теперь на 16-летнем мальчике. К кому он прильнет? Кто одержит верх?.. Крепко ухватились обе стороны за ревниво любимого юношу. Добром это не могло кончиться. Кажется, каждый готовился выпустить его только с жизнью, но трагизм положения всею тяжестью давил молодого поэта⁵⁹. Конечно, он давно, как только стал

⁵⁹ В юношеской драме «Menschen und Leidenschaften», носящей несомненно автобиографический характер, герой – Юрий, между прочим, говорит: «У моей бабки, моей воспитательницы, жестокая распря с отцом моим, и это все на меня упадет» (Акад, изд., т. III, стр. 97–98). Мы не приводим большого количества подобных сопоставлений потому, что сам Висковатый в значительной степени излагает всю историю отношений между бабушкой и отцом, пользуясь автобиографическими драмами: «Menschen und Leidenschaften» и «Странный человек». Конечно, реконструировать действительность по художественным произведениям – очень сомнительный метод в тех случаях, когда у нас нет иных исторических свидетельств, подтверждающих поэтические показания, но тем не менее нам, к

мыслить, – а мысли зашевелились в нем рано, – понял, что между отцом и бабушкой что-то неладно. Он давно это чувствовал, давно страдал под этим сознанием. Положение высокоодаренного мальчика между аристократической бабушкой и каким-то, редко выдаемым, бедно обставленным отцом было тяжелое. Там где-то есть отец, которого появление в доме неприятно бабушке, но который ему мил и дорог, а здесь вокруг сына его – богатая обстановка, и любовь и уход... Но почему же не любят того, кто ему так дорог? Почему он исключен из круга родных, почему он не может пользоваться тем же, чем пользуется сын?.. Эта мысль, может быть, еще более привязывала мальчика к отцу. Он его жалел, а кто жалеет любя, тот вдвойне любит...

Весь ужас положения ему не представлялся еще. Вероятно, и бабушка, и отец, оба любя его, берегли его. И вдруг все от него скрываемое открылось, страсти разнуздались, пошли взаимные обвинения, уличения и вечная апелляция к его чувству, к любви его, к долгу, к благодарности. Мальчик изведal страшную пытку, – тем более страшную, что все его воспитание, любовь и баловство увеличили и без того в высшей степени сильную впечатлительность.

[Висковатый, стр. 66–67]

сожалению, приходится пользоваться висковатовской реконструкцией, так как никаких других материалов в нашем распоряжении больше не было, а загромождать книгу отрывками из драм, понятными только в общем контексте, не казалось удобным.

Наконец вопрос для Михаила Юрьевича был поставлен ребром. Бабушка и отец поссорились окончательно. Сын хотел было уехать с отцом, но тут-то и началась самая тонкая интрига приближенных, с одной стороны, бабушки, с другой – отца. Бабушка упрекала внука в неблагодарности, угрожала лишить наследства, описывала отца самыми черными красками и, наконец, сама, под бременем горя, сломилась. Ее слезы и скорбь сделали то, что не могли сделать упреки и угрозы, – они вызвали глубокое сострадание внука. Его стала терзать мысль, что, решившись ехать с отцом, покидая старуху, он отнимает у нее опору последних дней ее. Она дала ему воспитание, ей он обязан уходом в детстве, воспитанием, богатством, всем, кроме жизни, правда, но жизнь-то на что же?.. Ему казалось, что в несколько дней он приблизил бабушку к могиле, что он неблагодарен к ней... Свои сомнения он высказывает отцу. Отец же, ослепленный негодованием на тещу за ее непонимание его, за нанесенные оскорбления, да, может быть, и под влиянием интриги, подозревает сына в желании покинуть его, остаться у бабушки. Семейная драма дошла до высшего своего развития. Что тут произошло опять, мы знать не можем, но только отец уехал, а сын по-прежнему оставался у бабушки. Они больше не виделись, –

кажется, вскоре Юрий Петрович скончался⁶⁰.

[Висковатый, стр. 68–69]

* * *

Надо полагать, что Лермонтов перенес в это время страшные мучения, что катастрофа, разыгравшаяся в семье, действительно чуть не довела его до самоубийства.

[Висковатый, стр. 69]

* * *

«Во имя Отца, Сына и Св. Духа. Аминь.

По благости Милосердного Бога, находясь в совершенном здравии души и тела, нашел я за нужное написать сие мое родительское наставление и, вместе, завещание тебе, дражайший сын мой Михаил, и, как наследнику небольшого моего имущества, объявить мою непрременную волю, которую выполнить в точности прошу и заклинаю тебя, как отец и христианин, будучи твердо уверен, что за невыполнение оной ты будешь судиться со мною перед лицом Праведного Бога.

Итак, благословляю тебя, любезнейший сын мой, Именем

⁶⁰ Юрий Петрович умер в 1832 году (см. Ревизскую сказку за 1834 г. в делах Исторического музея. Инв. № 26275). Лермонтов в это время еще был в Москве, последние месяцы в Московском университете (о пребывании его в университете см. следующие страницы).

Господа нашего Иисуса Христа, Которого молю со всею теплою верою нежного отца, да будет Он милосерд к тебе, да осенит тебя Духом Своим Святым и наставит тебя на путь правый: шествуя им, ты найдешь возможное блаженство для человека. Хотя ты еще и в юных летах, но я вижу, что ты одарен способностями ума, – не пренебрегай ими и всего более страшись употреблять оные за что-либо вредное или бесполезное: это *талант*, в котором ты должен будешь некогда дать отчет Богу!.. Ты имеешь, любезнейший сын мой, доброе сердце, – не ожесточай его даже и самую несправедливостью и неблагодарностью людей, ибо с ожесточением ты сам вступишь в презираемые тобою пороки. Верь, что истинная нелицемерная любовь к Богу и ближнему есть единственное средство жить и умереть покойно.

Благодарю тебя, бесценный друг мой, за любовь твою ко мне и нежное твое ко мне внимание, которое я мог замечать, хотя и лишен был утешения жить вместе с тобою.

Тебе известны причины моей с тобой разлуки, и я уверен, что ты за сие укорять меня не станешь. Я хотел сохранить тебе состояние, хотя с самою чувствительнейшею для себя потерю, и Бог вознаградил меня, ибо вижу, что я в сердце и уважении твоём ко мне ничего не потерял.

Прошу тебя уверить свою бабушку, что я вполне отдавал ей справедливость во всех благоразумных поступках ее в отношении твоего воспитания и образования и, к горести моей, должен был молчать, когда видел противное, дабы избе-

жать неминуемого неудовольствия.

Скажи ей, что несправедливости ее ко мне я всегда чувствовал очень сильно и сожалел о ее заблуждении, ибо, явно, она полагала видеть во мне своего врага, тогда как я был готов любить ее всем сердцем, как мать обожаемой мною женщины!.. Но Бог да простит ей сие заблуждение, как я ей его прощаю.

Наконец, тебе, любезнейший сын мой, известно, какие нежные узы родства и дружбы связывали меня с моим семейством, и сколько сия дружба услаждала горестные дни моей жизни, и так за сию-то любовь и за сии жертвы в праве я требовать от тебя, как преемника сердца и души моей, продлить и за гробом мою любовь и нежное о них попечение, которые я имел во всю жизнь мою. А потому, для законного и справедливого дележа, не разделенного еще между мною и тремя сестрами моими, имения, долгом почитаю объяснить теперь тебе мою волю, а именно: сельцо Любашевка (Кропотово тож⁶¹) составляет все наше недвижимое имение, в коем считается по 7-й ревизии 159 мужск. пола душ: из числа сих душ по 4 мужск. пола дворовых людей отделены еще покойной матерью моею каждой сестре и числятся за ними по ревизии, следовательно, остается 147 душ. Сие число должно быть разделено пополам между тобою, любезней-

⁶¹ Кропотово (Тульской губ., Ефремовского уезда) было приобретено дедом поэта, Петром Юриевичем, в обмен на село Измайлово, Костромской губернии, считавшееся с незапамятных времен лермонтовским родовым. В Кропотове постоянно жили отец и родные тетки поэта.

ший сын мой, и тремя сестрами моими Александрю, Натальею и Еленю, которые между собою разделят по равной части: движимость, находящаяся в доме, должна быть отдана трем упомянутым сестрам. Предоставить им право жить по смерти их в сем доме и быть опекунами или попечительницами.

Имение сие заложено в опекуном совете, и потому должно ляжет на число доставшихся каждому душ. Кроме сего, еще имеется на мне партикулярного долга три тысячи пятьсот рублей, а именно капитанше Дарье Васильевне Скерлетовой – две тысячи рублей и надворной советнице Демидовой – тысяча пятьсот рублей, которые и прошу заплатить из имеющихся двенадцати тысяч рублей в долгах по заемным письмам, на господине чиновнике 7-го класса Луке Алексеевиче Левшине – пять тысяч рублей, на тайной советнице Авдотье Евгениевне Боборыкиной – пять тысяч рублей и на девицах Екатерине и Елизавете Кошкиных – две тысячи рублей. [Зачеркнуто: инженерка-питанше Марии Васильевне Боборыкиной шести тысяч рублей.] Из остальных же, за уплатою моего долга восьми тысяч пятисот рублей, определяю четырем сестрам моим, полагая в том числе и замужнюю Авдотью Петровну Пожогину-Отрашкевичеву, каждой по две тысячи рублей ассигнациями, а остальные [слово зачеркнуто] пятьсот рублей отпущенному на волю сестрою моею Александрю малолетнему Александру, по крестном отце Петрову.

Если же до смерти моей в сем капитале произойдет убавок, то, оставя последний пункт в полторы тысячи в своем виде, остальные деньги разделить по равной части между упомянутыми четырьмя моими сестрами, а сему младенцу Александру испрашиваю твоего покровительства.

Выполняем в точности сего завещания моего, дражайший сын мой, ты успокоишь дух отца твоего, который, в вечности, благословлять и молить за тебя у Престола Всевышнего *будет*.

Сего 1831 года генваря 28-го дня.

Отец твой Юрий Петров Лермонтов.

P.S. Поправка и вычерк сделаны собственною моею рукою, по случаю перемены в капитале.

Сего июня 29-го дня 1831 г. Юрий Лермонтов».

[Завещание Юрия Петровича Лермонтова. В. М. Цехановский. «Исторический Вестник», 1898 г., № 10, стр. 395–397]

* * *

Что сразило его [Юрия Петровича] – болезнь или нравственное страдание? Может быть, то и другое, может быть, только болезнь. А. З. Зиновьев будто помнил, что он скончался от холеры (?). Верных данных о смерти Юрия Петровича и о месте его погребения собрать не удалось. Надо думать, что скончался отец Лермонтова вдали от сына, и не

им были закрыты дорогие глаза. Впрочем, рассказывали мне тоже, будто Юрий Петрович скончался в Москве и что его сын был на похоронах. Возможно, что стихотворение «Эпитафия», находящееся в черновых тетрадах 1830 года, относится к отцу⁶². Из него можно понять, что Михаил Юрьевич был на похоронах или у гроба отца.

[Висковатый, стр. 69]

* * *

ЭПИТАФИЯ

Прости! Увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного?
Как знать! Итак, прости, прости!..
Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведаль, —

⁶² Приводимая ниже «Эпитафия» помещена проф. Д. И. Абрамовичем в академическом издании Лермонтова под 1830 годом (т. I, стр. 108). В примечаниях (стр. 375) Д. И. Абрамович говорит: «Стихотворение вызвано смертью отца». Вместе с тем тот же Д. И. Абрамович в «Хронологической канве для биографии М. Ю. Лермонтова» (т. V, стр. 10) под 1832 годом указывает: «Умер Юрий Петрович Лермонтов, отец поэта». Таким образом, возникает вопрос о правильности датировки. Очевидно, «Эпитафия» написана позднее, а не за два года до смерти отца и только находится в тетрадах 30 года. Возможно также, что «Эпитафия» никакого отношения к отцу не имеет; но как тогда понять стих 5-й? В нашу задачу не входит окончательное разрешение этого вопроса.

Но понимаем был одним.
И тот один, когда рыдая
Толпа склонялась над тобой,
Стоял очей не обтирая,
Небрежный, хладный и немой,
И все, не ведая причины,
Винили дерзостно его,
Как будто миг твоей кончины
Был мигом счастья для него.
Но что ему их восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чем страдать
Без всяких признаков страданья!

[Лермонтов. Акад, изд., т. I, стр. 106]

* * *

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай Бог, чтобы, как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! Я ль виновен в том,

Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный Творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мне судить, виновен ты иль нет.
Ты светом осужден... Но что такое свет?
Толпа людей, то злых, то благосклонных,
Собрание похвал незаслуженных
И столько же насмешливых клевет.
Далеко от него, дух ада или рая,
Ты о земле забыл, как был забыт землей;
Ты счастливей меня: перед тобой,
Как море жизни, – вечность роковая
Неизмеримую открылась глубиной.
Ужели вовсе ты не сожалеешь ныне
О днях, потерянных в тревоге и слезах,
О сумрачных, но вместе милых днях,
Когда в душе искал ты, как в пустыне,
Остатки прежних чувств и прежние мечты?
Ужель теперь совсем меня не любишь ты?
О, если так, – то небо не сравню
Я с этою землей, где жизнь влачу мою;
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мере я люблю!

1831 г.

Лермонтов. Акад. изд. т. I, стр. 284–285]

* * *

Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец;
В слезах угасла мать моя;
От них остался только я,
Ненужный член в пиру людском,
Младая ветвь на пне сухом;
В ней соку нет, хоть зелена,
Дочь смерти, – смерть ей суждена!

1831 [?] г.

[Лермонтов. Из стих. «Стансы». Акад.
изд., т. I, стр. 285–286]

* * *

Мы, юноши, полвека тому назад смотрели на университет как на святилище и вступали в его стены со страхом и трепетом.

Я говорю о Московском университете, на котором, как на всей Москве, по словам Грибоедова, лежал особый отпечаток. Впрочем, всякий из восьми наших университетов, если пристально и тонко вглядываться в их питомцев, сообщает

последним некоторое местное своеобразие.

Наш университет в Москве был святилищем не для одних нас, учащихся, но и для их семейств и для всего общества. Образование, вынесенное из университета, ценилось выше всякого другого. Москва гордилась своим университетом, любила студентов, как будущих самых полезных, может быть, громких, блестящих деятелей общества. Студенты гордились своим званием и дорожили занятиями, видя общую к себе симпатию и уважение. Они важно расхаживали по Москве, кокетничая своим званием и малиновыми воротниками. Даже простые люди и те, при встречах, ласково провожали глазами юношей в малиновых воротниках. Я не говорю об исключениях. В разносословной и разнохарактерной толпе, при различии воспитания, нравов и привычек, являлись, конечно, и мало подготовленные к серьезному учению, и дурно воспитанные молодые люди, и просто шалуны и повесы. Иногда пробегали в городе – впрочем, редкие – слухи о шумных пирушках в трактире, о шалостях, вроде, например, перемены ночью вывесок у торговцев, или задорных пререканий с полицией и т. д. Но большинство студентов держало себя прилично и дорожило доброй репутацией и симпатиями общества⁶³.

⁶³ Гончаров, бывший в университете одновременно с Лермонтовым, несомненно идеализирует Московский университет; это объясняется, может быть, тем, что он вспоминает главным образом последние годы своего пребывания. По указанию других современников преподавание шло вообще плохо (см. ниже свидетельства Герцена и Костенецкого). Возрождение Московского университета на-

[И. А. Гончаров. Поли. собр. соч. СПб., изд. Маркса, 1899 г., т. XI, стр. 7–8]

* * *

В ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 221

От пансионера Университетского Благородного Пансиона
Михаила Лермантова

ПРОШЕНИЕ

Родом я из дворян, сын капитана Юрия Петровича Лермантова; имею от роду 16 лет; обучался в Университетском Благородном Пансионе разным языкам и наукам в старшем отделении высшего класса; – ныне же желаю продолжать учение мое в Императорском Московском университете, почему Правление оногo покорнейше прошу, включив меня в число своекоштных студентов Нравственно-Политического Отделения, допустить к слушанию профессорских лекций. – Свидетельства о роде и учении моем при сем прилагаю. К сему прошению Михаил Лермантов руку приложил⁶⁴.

чалось только со второй половины 30-х годов.

⁶⁴ Печатаем по подлиннику, хранящемуся в Пушкинском Доме. Это прошение впервые было опубликовано П. А. Висковатым в «Приложениях» к биографии Лермонтова.

Слуш. 21 августа 1830 года.

В назначенный день вечером мы явились на экзамен, происходивший, помнится, в зале конференции. В смежной, плохо освещенной комнате мы тесно, довольно многочисленной кучкой, жались у стен, ожидая, как осужденные на казнь, своей очереди...

Нас вызывали по несколько человек вдруг, потому что экзамен кончался за раз. В зале заседал ареопаг профессоров-экзаменаторов под председательством ректора. Их было человек семь или восемь. Вызываемые по списку подходили к каждому экзаменатору по очереди.

Профессор задавал несколько вопросов или задачу, например, из алгебры или геометрии, которую тут же, под носом у него, приходилось решать. Профессор латинского языка молча развертывал книгу, указывая строки, которые надо было перевести, останавливался на какой-нибудь фразе, требуя объяснения. Француз и этого не делал: он просто поговорил по-французски, и кто отвечал свободно на том же языке, он ставил балл и любезным поклоном увольнял экзаменуемого. Немец давал прочитать две-три строки и перевести и, если студент не затруднялся, он поступал, как француз. Я не успел оглянуться, как уже был отэкзаменован⁶⁵.

⁶⁵ И. А. Гончаров вместе с братом своим поступал в Московский университет через год после Лермонтова – в 1831 году в августе, но условия экзамена в общем за это время не изменились. Впоследствии Гончаров учился с Лермонтовым на одном курсе, так как «1830 год был холерный, и лекций не было. Бывшим уже в

[И. А. Гончаров. Полн. собр. соч., СПб., изд. Маркса, 1899, т. XII, стр. 11–12]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.